

Александра Глазкина

**ИНСТИТУТ
ЭМОЦИЙ**
Второй семестр

Александра Глазкина

Институт эмоций. Второй семестр

«Издательские решения»

Глазкина А.

Институт эмоций. Второй семестр / А. Глазкина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964452-7

Учиться в городе у моря... Что может быть романтичнее? Вот только море зимой — серое и холодное. Город рушится на глазах. Таинственный злодей выкачивает из людей эмоции, используя знания, полученные в институте. Нужно вычислить преступника и вернуть в город былую гармонию. Но захотят ли герои рисковать своими чувствами и хрупким счастьем во имя призрачной цели? И не окажется ли долгожданная любовь главной ловушкой, из которой так сложно выбраться?

ISBN 978-5-44-964452-7

© Глазкина А.
© Издательские решения

Содержание

1. МАРЕК	6
2. СТЕФАН	9
3. МАРЕК	12
4. МАРЕК	15
5. МАРЕК	17
6. МАРЕК	21
7. СТЕФАН	26
8. МАРЕК	30
9. СТЕФАН	35
10. СТЕФАН	38
11. МАРЕК	41
12. МАРЕК	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Институт эмоций Второй семестр

Александра Глазкина

© Александра Глазкина, 2019

ISBN 978-5-4496-4452-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. МАРЕК

Девушка подпрыгивала на обледеневшем тротуаре, отчаянно дергая тканевую рекламную растяжку, которую прочно обмотало вокруг фонаря над дверью (видимо, давешний ураган позабавился). Следовало бы включить логику и принести из магазина стремянку или хотя бы стул, но девушка с завидным упорством продолжала приплясывать и дергать свободный край ткани, рискуя его порвать. Смотреть за ее манипуляциями было забавно и... приятно: при каждом прыжке короткая шубка задиралась, являя глазам обтянутые плотными джинсами округлости.

– Помочь? – неожиданно для себя выпалил я.

Девушка резко развернулась. Ее узкое лицо покраснелось, густая челка разметалась по лбу, частично закрывая глаза. Она поправила шапку, сдула с глаз челку и улыбнулась.

– Было бы неплохо! А то я уже замучилась.

Я прислонил чемодан к стене и, подойдя ближе, запрокинул голову:

– Уверена, что прыжки помогут?

– Нет, конечно, – засмеялась она, – но стремянка, зараза, соскальзывает. Я уже пару раз полетела, чудом ничего не сломала. Без поддержки не обойтись. И, как назло, ни одного прохожего за последние двадцать минут.

Значит, с логикой у нее все в порядке. Ага, вот и стремянка виднеется за стеклом. Девушка распахнула дверь и отступила, чтобы я забрал лестницу. Звякнул колокольчик, приветствуя посетителей, но в магазине было темно, и разглядеть, что кроется в его глубине, я не успел.

На тротуаре и впрямь было очень скользко, на ледяной крошке виднелись углубления от ножек стремянки. Я подал девушке руку, помогая взобраться по ступенькам, а сам прочно схватился за опору. От соприкосновения с железом ладони тут же заледенели. Да, похоже, я погорячился, считая тех, кто носит перчатки, изнеженными пижонами. Иллюзии о теплой зиме у моря рассеивались с каждой минутой!

Девушка аккуратно разматывала растяжку, а я, пользуясь моментом, любовался ее ловкими грациозными движениями. Кажется, наклевывалось интересное знакомство! Уже хорошо, что начиналось оно с непринужденной помощи, а не с откровенного флирта и ступора, в которое девицы так часто впадали, завидев мою смазливую физиономию. Впрочем, усмехнулся я мысленно, сейчас у меня, должно быть, тот еще видок: от резкого ветра лицо так и горело, а глаза слезились.

Когда растяжка раскрутилась на ветру, девушка протянула ее мне:

– Теперь нужно стремянку передвинуть и растяжку закрепить, вон на тех крюках.

Что мы и сделали, быстро и ловко, не считая момента, когда ткань зацепилась за ступеньку, и мы оба едва не слетели вниз. В последний момент мне удалось одной рукой ухватить опору, а другой – девушку. Прежде, чем водрузить их обратно, я не отказал себе в удовольствии насладиться близостью ее раздумавшегося лица. От ее волос шел тонкий свежий аромат, глаза блестели.

Если девушка и разгадала мой маневр, то ее он нимало не смутил. Она улыбнулась дразняще, но не произнесла ни слова, лишь кивнула наверх, мол, давай. Мы пару минут постояли на тротуаре, задрав головы и любуясь результатом. Потом девушка перевела взгляд на мои покрасневшие руки и покачала головой:

– Ну что, я вполне заслуженно могу пригласить тебя погреться?

Я подумал несколько секунд и согласился. Занес стремянку, а девушка зажгла свечи в старинном витом канделябре, и перед нами из темноты проступили полки, заваленные многочисленными коробками с пестрыми ярлыками и обложками.

– Настольные игры?

– Да, в основном.

– И что, они пользуются таким спросом, что для этого понадобился целый магазин?

– Скеписис неуместен! – хмыкнула девушка. – На что только не идут люди, чтобы скоротать холодные месяцы до открытия сезона!

– Разве тут много туристов не в сезон?

– Конечно. Горнолыжники. Пациенты санатория. Да и местные тоже. Вечера тут длинные и тоскливые, особенно когда ветер зверствует. Не погуляешь. Вот и остается: сидеть у камина и коротать вечера с книгами или играми.

– А визор? Сеть?

Девушка брезгливо сморщила носик:

– Люди здесь консервативные, но в то же время думающие. Забывать мозги развлекательными передачами и политическими баталиями никто не хочет. Предпочитают живое общение.

Что-то было в ее голосе, что удержало меня от дальнейших скептических замечаний. Впрочем, я ей поверил, потому что еще помнил времена, когда мы с друзьями собирались, чтобы поиграть в стратегии или карты. Времена, пока в компании не появилась Санна...

Девушка, не раздеваясь, ушла в закуток за прилавком, зашуршала пакетами, зазвенела посудой, и вскоре по лавке разлился умопомрачительный запах свежесваренного кофе. Она поставила передо мной чашку, пар над которой складывался в причудливые призрачные фигуры.

– Прости, я не мастер. Знаю только самый простой рецепт. Но чтобы согреться, и того хватит, верно?

Я сделал глоток и одобрительно кивнул:

– В свою очередь признаюсь, что я – не знаток кофе, так что придирайтесь не буду. По мне так вкусно!

– Спасибо!

– Удобно устроено: все под рукой.

– Иногда бывает такой наплыв посетителей, ни минутки свободной, вот дед и оборудовал себе местечко.

– Дед?

– Да, ему принадлежит магазин, а я так, на подхвате.

– А что, отопление не работает? – спросил я, оглядываясь.

– Да ничего не работает после вчерашнего урагана!

– Вы разве солнечными батареями не пользуетесь?

– Не все. Дед живет по старинке, он не верит в новые технологии. Вообще-то, у нас тут печка, но из-за вчерашнего недосуг ее растопить было. Ой, – спохватилась она, – я тебя все запугиваю, так возьмишь и развернешься восвояси! Вчерашнее – это все-таки нечастое явление, а вообще у нас хорошо. Надолго к нам?

– Ты так уверена, что я – приезжий?

Она пожала плечами:

– Ну, местных-то я всех знаю, если не поименно, то уж в лицо точно. Да и с чего бы местные с чемоданами по улицам разгуливали?

Только тут я вспомнил, что чемодан остался на улице. Оглянулся на витрину, за которой потихоньку сгущались преждевременные сероватые сумерки.

– Ничего, – успокоила девушка, – не укрудут.

– Да, ладно, мне все равно пора. А к вам надолго, наверное. На пару месяцев уж точно.

– Здорово! – и прежде, чем я удивился ее воодушевлению, девушка пояснила, – значит, увидишь не только серый и хмурый Юблеч, но и весенний, яркий!

Если честно, уходить мне не хотелось. Девушка мне нравилась. Она была хорошенькая, живая и смешливая. Ничуть не манерничала и, что самое главное, не впадала в агитацию от моего облика. Но повода задержаться я не нашел, а она не настаивала.

Но, прощаясь, все же сказала:

– Что ж, если возникнет вопрос, чем заняться долгим холодным вечером, знаешь, куда заглядывать! Ой!

Осознав двусмысленность сказанного, смутилась и засмеялась. Я улыбнулся в ответ и совершенно искренне ответил:

– Обязательно!

Мы простились и только через пару кварталов, борясь со встречным ветром, рвущим на мне одежду, и чемоданом, не желающим катиться по обледеневшему тротуару, я понял, что имени ее так и не спросил. Но, по крайней мере, теперь переезд в город, оказавшийся таким неуютным, казался оправданным!

2. СТЕФАН

Вообще-то, если Стефан и собирался к морю, то уж никак не в конце января и не в Юблеч. Но судьба распорядилась по-другому, когда раздался звонок, и профессор попросил его прийти в институт.

– Аурику я тоже позвал, так что будьте готовы!

Да, тактичность никогда не была сильной стороной профессора, несмотря на почетную занимаемую должность. Или, может, напротив: когда так долго имеешь дела с многочисленными проявлениями эмоций, то невольно абстрагируешься и перестаешь придавать значение тому, что преходяще? Неужели профессор уже сделал выводы касательно его чувств к Аурике?

Но, несмотря на предупреждение, Стефан все равно почувствовал, как екнуло сердце при виде разноцветных пряжей, выбивающихся из-под вязаной шапочки. И лилейно-бледных щек. И ясных глаз, в которых засияли веселые искорки, когда их взгляды встретились. Мучительно видеть, что тебе рады, но не в том качестве, как хотелось бы.

– Что-то случилось? – спросила Ау Стефана после радушного приветствия.

– Не знаю, пойдете на кафедру.

Профессор уже расхаживал по периметру кабинета, то и дело натываясь на углы столов и рискуя сбить папки, наваленные на них. В углу с блокнотом и ручкой примостилась пани Карская, рассеянно наблюдавшая за перемещениями своего начальника.

– Друзья мои, – заявил профессор, как только прибывшие расселись, – обойдемся без предисловий. Ситуация в Юблече обострилась, поэтому было принято решение на время второго семестра перевести вас туда. С вами, пан Левандовский, мы уже обсуждали подобную перспективу, что же касается вас, Аурика...

– Я не могу, – поспешно перебила она.

Профессор вздернул кустистые брови:

– Вот как? И вы даже не выслушаете, что там происходит?

– Я могу выслушать. Но поехать не смогу все равно. Я... – Аурика смешалась и умолкла.

Стефан прикусил губу. Неужели она отказывается, потому что он тоже едет? Работу по проекту они вроде бы вели успешно, и, как ни старался, Стефан не мог припомнить, чтобы чем-то обидел или задел девушку. Или ей просто надоело терпеть его глупую влюбленность, которая, несмотря на его обещания, нет-нет, да и прорывалась то в мимолетном касании руки, то в грустной улыбке.

– Пани Леслава, можно вас на минуточку?

Когда они вернулись из коридора, Леслава быстро зашептала что-то на ухо профессору. Тот смутился, откашлялся, протер стекла очков и тогда уже сказал:

– Что ж, пани Халле, ваши новости, конечно, меняют дело. Не смею настаивать. Тогда... может, вы просто послушаете? Нам не помешает свежий взгляд.

– Конечно!

– Дело в том, что в Юблече, южном городе особого статуса, начались происшествия, несвойственные размеренной и спокойной жизни города. Участились несчастные случаи, причем степень их серьезности идет по нарастающей. Жертвами стали люди, чей эмоциональный потенциал оказался истощен, практически вычищен подчистую!

– Вычищен? Вы хотите сказать, что...

– Что появился некто, обладающий способностью вытягивать из окружающих эмоциональные ресурсы. Он делает это довольно умело, раз до сих пор мы не смогли напасть на след. И, к сожалению, его аппетиты растут.

Стефан заметил, как Аурика вздрогнула. Похоже, ей тревожно было слышать о таком проявлении силы.

– Как вы это определили?

– По давно заведенному порядку все случаи, которые отягощены странными обстоятельствами, курируются институтом. И пострадавшие проходят не только стандартное медицинское обследование, но и... в общем, их смотрят на эмоциональном сканере и некоторых других устройствах, позволяющих выявить внешнее воздействие на эмоциональный фон. Так вот все пострадавшие, а за последние полгода зафиксировано семь случаев, подобному воздействию подвергались.

– Семь человек? Всего-то? А вы уверены, что это не случайное совпадение?

– Нет, динамика и обстоятельства слишком схожи. И потом... Подобные случаи имеют тенденцию приобретать массовый характер. Несчастье заразно. Пострадавшие начинают восполнять ресурс за счет своего ближайшего окружения и, таким образом, число жертв увеличивается. Дошло до того, что даже туристы стали оставлять негативные отзывы, отмечая, что обычно теплая и дружелюбная атмосфера курорта заметно испортилась. Хуже того, на происшествия стал реагировать сам город. Разрушаются лестницы, мосты, дома...

– В произвольном порядке или в местах, где произошли несчастные случаи? – уточнила Аурика.

Стефан мысленно заплодировал. Молодец, девочка, сразу выхватывает суть! Профессор, видимо, подумал о том же и лишь вздохнул:

– Вы необычайно проницательны, пани Халле. Жаль, что... впрочем, сожалеть о причинах, не позволяющих вам наведаться в Юблеч, было бы некорректно с моей стороны. Изученные детали позволяют нам утверждать, что здесь действует человек, который знаком с методиками нашего института. Тот, кто знает, как работает волновое взаимодействие людей и города. Тот, кто применял его на практике и, увы, тот, чей потенциал достаточно силен.

– Выпускник института? Но это же вызов этике! Разве может тот, кто прошел обучение, использовать свои знания во вред людям?

– Вот это нас и беспокоит. Впрочем, пока мы не можем утверждать, что неизвестный злоумышленник является выпускником. Это может быть как студент текущего потока, так и преподаватель. Собственно, для этого нам и нужен был новичок. Новичок вызовет интерес, ни у кого не возникнет подозрений, если он начнет активно знакомиться с ребятами. Тем самым, мы обеспечим возможность проверить их, не вызывая подозрений. То же самое сделает пан Стефан с преподавателями. Его перевод в Юблеч выглядит вполне естественно: мы переставили расписание, чтобы его новая программа вошла во второй семестр.

В кабинете повисло молчание. Стефан видел, что Аурика осознала всю важность событий, и втайне надеялся, что она изменит свое решение и согласится на переезд. Но следующий ее вопрос развеял иллюзии.

– Послушайте, а если вы возьмете Марека?

– Марека? Тедера? – удивился профессор, – Почему его?

– Вы же сами говорили, что у него сильный потенциал. К тому же, насколько я знаю, он сам думал о переезде.

– Но Тедер не посвящен во все нюансы, так сказать.

– Уверена, вы сможете объяснить ситуацию так, чтобы он согласился.

– Так-так, – профессор погрузился в раздумья. – Что ж, может, и стоит попробовать. Пани Халле, скажите, а вас не затруднит... гм... предварительно поговорить с Мареком. Вкратце обрисовать ему ситуацию.

Девушка улыбнулась, и у Стефана заныло сердце. Ревность не была ему свойственна. Он смиренно принял факт замужества Аурики, ее избранник вызывал у него большое уважение, и, как ни горько было признавать, но Стефан понимал, что с таким мужем Аурика будет счастлива. Но то, что рядом с ней без конца отирался нахал Тедер, его раздражало! А то, что Марек, как и предсказывал профессор, и впрямь поддался влиянию Ау, раздражало вдвойне. Вот

и сейчас, профессор перестраховывается, понимая, что если именно Аурика попросит Марека о переезде в Юблеч, тот будет сговорчивее, чем если то же самое озвучит сам пан Возвех.

Дальнейшие полчаса стали для Стефана пыткой. Из окна кабинета он видел, как Аурика и Марек, который примчался в институт по первому ее зову, смеются, стоя в заснеженном дворе. Смеются, переговариваются, явно забыв о том, что здесь, на кафедре, ждут их решения. Когда Аурика порывисто обняла Марека, Стефан вздрогнул и на миг готов был забыть обо всем, чему его много лет здесь учили. Внутри поднималась жаркая волна ярости. Хотелось сбежать вниз и...

Тяжелая рука профессора легла ему на плечо, и гнев внутри сдулся, как воздушный шарик. Что ж, не это ли они стремятся донести до студентов: каждый имеет право испытывать любую эмоцию. Главное – уметь ее контролировать и не поддаваться минутной слабости. Стефан повел плечами, давая профессору понять, что владеет собой. Тот кашлянул тихонько и вернулся на место.

– Добрый день! Вы хотели меня видеть?

Тедер, без стука вошедший в кабинет, выглядел расслабленным и довольным, но Стефану не нужно было включать сканер, чтобы уловить легкую настороженность прибывшего. И с этим ходячим противоречием ему придется сотрудничать?!

3. МАРЕК

Мы встретились во дворе, засыпанном снегом. Дорожки никто не чистил – все равно каникулы. Аурика куталась в шубку, хотя денек выдался на удивление тихий и солнечный. Что-то не на пользу ей пошло замужество, хотя на свадьбе она выглядела цветущей и счастливой. А сейчас – какой-то уставшей и будто бы виноватой.

– Юблеч? – переспросил я, когда она озвучила свою просьбу. – С чего вдруг?

– Я помню, ты сам говорил, что тебе осталось только защитить диплом. Кто тебе мешает писать его дистанционно? Я знаю, так многие делают. А занятия в институте ведутся и там, ты же все равно ни с кем из наших близко не общаешься. И потом, разве не ты мечтал уехать? Тебе дают такую возможность. Город у моря. Служебная квартира. Сессию автоматом поставят.

– Это меня и смущает. Слишком много бесплатных печенок. А потом выяснится, что под красивой оберткой таится подвох. И потом, твой-то интерес в чем?

– Марек, ты сделаешь мне большое одолжение, если согласишься. Если честно, то переезд предлагали мне, но я... не могу.

– Почему?

Халле подняла на меня свои глазищи, которые на исхудавшем личике казались огромными, как у инопланетной принцессы в фильмах.

– По состоянию здоровья.

Черт, значит, и впрямь бледность неспроста!

– Заболела?

Она улыбнулась робко:

– Ну, не совсем, но в моем положении менять климат и обстановку не хотелось бы.

В ее положении? До меня не сразу дошло. А когда я понял, в чем дело, то стало как-то неловко.

– Да ты что? Поздравляю! И теперь я окажусь последней скотиной, если откажу беременной женщине?

– Вот именно, – уже широко улыбнулась она. – Ну же, Марек, соглашайся! Я замерзла, устала и хочу домой. А они ждут.

Мы оба оглянулись на окна, где маячил чей-то силуэт. Когда Ау объявила, что меня ждет важное и срочное дело, я обрадовался. Сессию у себя я уже сдал, к друзьям, по понятным причинам, наведываться не решался, и последние две недели в огромной чужой квартире стали совершенно невыносимыми. Оказалось, неприятное это дело – оставаться один на один с собой. Слишком много всплывает неприятных мыслей и воспоминаний, так, что потом в зеркало на себя смотреть противно.

В принципе, само по себе и неплохо. В Юблече мне бывать не приходилось, но какая разница, один город или другой. Там не будет ни одного знакомого лица, а главное, от счастливой семейной идиллии отца и Санны меня будет отделять добрых семьсот километров. Чем не довод?

И все же внутреннее упрямство не позволяло мне согласиться сразу, даже если тем самым я оказал бы услугу Халле, которая, если уж честно, за время работы над проектом вытянула меня из дерьма, в которое я себя загнал по уши.

– А они согласятся? Неравноценная замена-то.

– Марек, знаешь, у каждого из студентов измеряют эмоциональный потенциал. Мы с тобой лидируем... Впрочем, они лучше все объяснят, мое дело – убедить тебя выслушать их.

– Что ж, считай, что свою миссию ты успешно выполнила.

– Так ты согласен?

– Пока – только выслушать. А ты, Халле, бегом домой, тебе теперь беречься надо.

Тьфу, прозвучало пафосно и неискренне, формальная забота, как и положено в подобных случаях, хотя если и есть в этом мире человек, к которому я питал искреннее расположение, так это Аурика. Она порывисто обняла меня:

– Спасибо, спасибо! Если что, я всегда на связи.

Я повел плечами, осторожно высвобождаясь из ее объятий. Если уж меня обняла хорошенькая девушка, то я хотел, чтобы ею двигало не чувство благодарности, а нечто большее. Но, похоже, судьба у меня такая, что лучшие представительницы рода человеческого проскальзывали мимо, оставляя на душе муторное чувство сожаления и острой утраты чего-то светлого, теплого, что мне не дано испытать.

– Ладно, Халле, посмотрим, во что я впутываюсь по твоей милости!

На кафедре меня встретили взъерошенный и суетливый профессор, приветливая Леслава и Левандовский, как всегда, безупречно одетый и прилизанный до отвращения. Пижон! Впрочем, я постарался спрятать глухое раздражение, которое он у меня вызывал, ведь со слов Аурики выходило, что именно с ними мне предстоит больше всех общаться в том деле, которое мне решили поручить.

Речь профессора была не совсем внятной. С его слов выходило, что недавно в Юблече начались странности. И, как подозревал профессор, в этих происшествиях был замешан некто, имеющий отношение к институту. Мол, пользовался он методами и способностями, которым учили только здесь. Вычислить его пока не удалось. За выпускниками и сотрудниками, попавшими в список подозреваемых, следили профессор и Левандовский, мне же предложили проверить студентов нового курса.

– Марек, прошу еще раз обратить ваше внимание, что мы открываем вам строго конфиденциальную информацию, и я надеюсь, вы ответственно воспримите свою роль в нашем деле. Если бы не особое положение пани Халле, мы бы...

– Я понял, понял, давайте все же к делу.

Я успел заметить, как дернулся Левандовский. Ох, не по душе ему моя бесцеремонность, но пусть уж терпит! В конце концов, они во мне нуждались больше, чем я.

– Чуть позже вы изучите, что каждый человек обладает определенным эмоциональным потенциалом, используя который он может оказывать воздействие на окружающих. Помните, вы спрашивали про манипуляцию? К сожалению, это воздействие может быть разрушительным, причем на буквальном физическом уровне. Если совсем уж упрощать, то появился человек, который забирает энергию у окружающих, из-за чего с ними происходят всякие неприятные вещи. Ссоры, конфликты, стрессы – явление, которое можно успешно регулировать, обладая определенным уровнем знаний и умений, но здесь... В городе участились несчастные случаи.

Я перевел взгляд на Левандовского, который все это время молчал, лишь пометки в блокноте делал. У меня создалось четкое ощущение, что мне полчаса усердно пудрили мозги, призывая искать мифического злодея, который, видите ли, испортил отдых туристам! Ладно, допустим, жить в городе, в котором происшествия случаются крайне редко, неплохо! Погостив в столице у своего друга детства, я успел убедиться, что в Валновице – просто рай. За неделю в столице я насмотрелся столько аварий, драк, скандалов, что почувствовал себя героем криминальной сводки. И, вернувшись, облегченно перевел дух.

К хорошему привыкаешь быстро. Если Юблеч похож на Валновице, то понятно, почему его жители всполошились. И все же. Семь человек за полгода...

– Первый пострадавший упал с лестницы, отделавшись ушибами, – вдруг произнес профессор, словно подслушав мои мысли, – последний – прыгнул с моста. Сейчас он в коме.

До меня не сразу дошло.

– Что значит: прыгнул?

– То и значит, Марек, он совершил попытку самоубийства. Пока неудачную, но никто не даст гарантий, что он ее не повторит. Если выживет, конечно.

– То есть...

– То есть... – подхватил Левандовский, которому, похоже, мои сомнения надоели, – есть некто, после общения с которым с людьми что-то случается. И это «что-то» от случая к случаю становится все серьезнее: от пары синяков к критическому состоянию. Увеличивается также и частота. Сначала происшествия фиксировались раз в месяц. Последние три случая – уже за только за январь. Он наглеет...

– Он? Или она?

– Или она, – кивает Левандовский. – Мы не знаем, кто это. Но чем быстрее узнаем, тем больше шансов предотвратить катастрофу. И именно вы сможете нам помочь.

Меня охватил азарт. Кем бы он ни был, таинственный злодей, я ему позавидовал. Обладать такой властью над людьми! Интересно, а как он расходует ту энергию, которую выкачал из жертв? Выбирал ли он их случайно или мстил кому? На мгновение мелькнула соблазнительная мысль, что знай я, какими методами он пользовался, то рискнул бы вернуться домой. Дорого бы отдал за возможность надавить на невидимый рычаг и насладиться тем, как отец с Санной ссорятся! С лестниц падать необязательно, но вот рассорить их... Потом до меня дошло...

– А вы ведь с самого начала не собирались привлечь Халле к этому расследованию? – во мне стал закипать знакомый гнев. – Вы предложили ей, зная, что она откажется и предложит мою кандидатуру. Если не сами мягко подтолкнули ее к этой мысли. Знали, что если попросит она, а не вы, я точно соглашусь! Вам нужен не просто студент. Вам нужен человек, схожий по реакциям с пресловутым злодеем, которого вы ищете, так? Халле – умница, но она светлая, она людей мирит и помогает им. А я легко пойму логику злодея, потому что и сам такой!

Профессор принял мою вспышку на удивление спокойно: терпеливо дождался, пока я иссякну, а потом сказал:

– Зря вы негодуете, Марек. Так уж вышло, что ваш эмоциональный потенциал имеет знак «минус». Условно, конечно. Но, как вы сможете убедиться, дело не в самих способностях, а в том, на что они будут направлены. Если вы поймете логику преступника, а именно таковым мы его считаем, это же не значит, что вы последуете по его пути. Что в том зазорного? Вековая традиция: охотники вживались в образ преследуемого зверя, сыщики стремились отождествить себя с преступниками.

Он сказал это так уверенно, что вся моя злость мгновенно улетучилась.

– Смогу убедиться? О чем вы?

– Несмотря на оказанное вам доверие, вы были и остаетесь всего лишь студентом-первокурсником. Вы многое не знаете о себе, Марек, но раскрытие собственных возможностей будете постигать на этот раз, так сказать, в полевых условиях. Я всегда был теоретиком, но не могу недооценивать эффективность практики. Итак, вы согласны?

Я смолчал. В общем-то, я уже готов был согласиться, но мне хотелось еще посмотреть, как они поувиваются вокруг меня.

– Что же касается пани Халле, – добавил профессор, – то вы преувеличиваете нашу осведомленность. О своем интересном положении она сообщила нам буквально час назад, так что, поверьте, никто не просчитывал стратегию вашего привлечения к делу в обход Аурики.

Я заметил, как при словах о беременности Ау дернулся Левандовский. Так-так, а ему-то не все равно! При мысли, что он рассчитывал, что в Юблеч с ним поедет Ау, а получит в спутники меня, мне стало смешно, и именно желание позлить Левандовского оказалось решающим аргументом. Да, я согласился и в конце января, когда на побережье зверствуют шторма, очутился в Юблече.

4. МАРЕК

В городе я застал удручающую картину: пустые улицы, пострадавшие от урагана, сорванные вывески, разбитые стекла, поваленные деревья. Город оказался обесточен, движение парализовано. От вокзала (благо поезд оказался сильнее непогоды) мне пришлось идти пешком. Впрочем, за это я был вознагражден общением с милой незнакомкой, но все же, пробираясь по опустевшим улицам, понял, что предпочел бы не разруху, а привычный комфорт зимней провинции: гирлянды, свечи и праздничную музыку, доносящуюся из кофеен.

Пока же про новый город я успел понять две вещи. Во-первых, здесь и впрямь жили консерваторы: чуть ли не над каждым вторым домом вился печной дымок. Интересно, где они брали столько дров на растопку? Или запрет на рубку деревьев здесь не действовал, все же другой район? Во-вторых, по непонятной мне причине, в городе оказалось полно мостов и мостиков. Лишь один из них был переброшен через небольшой овраг, по которому далеко внизу струился к морю юркий горный ручей, и плевать ему было на покрытые льдом берега. Остальные же перекинуты исключительно в декоративных целях, просто перегораживая улицы, транспорт бы тут не проехал, разве что велосипед.

А еще большинство мостов с обоих краев венчали декоративные арки из светлого песчаника, образующие своеобразные врата, как будто мост – это отдельный архитектурный объект важного значения. Впрочем, может, так оно и было, откуда мне знать? Наверняка в Юблече, как и в любом другом городе, соблюдались свои странные традиции.

Обнаружилась еще и третья особенность. Ее я заметил, когда, наконец, добрался до своего нового дома. Дверь, ведущая в подъезд, оказалась плотно заперта и, сколько бы я ни стучал, никто не спешил впустить меня внутрь. Пару минут я задумчиво созерцал старинную дверную ручку (морское чудище, держащее во рту кольцо), пока проходящая мимо закутанная в теплый плащ фигура не посоветовала мне:

– Молодой человек, не мучайтесь, пройдите во внутренний двор, а там уже и в дом попадете!

И, прежде чем я успел поблагодарить за совет, удалилась прочь. Внутренний двор был аккуратно расчищен от старого сероватого снега, в центре стояло небольшое хвойное дерево в кадке, и свисающая с ее ветвей золотистая мишура приветственно мне помахивала. Оглядевшись, я понял, что имел в виду мой неожиданный советчик. По периметру двора шли веранды и вдоль первого, и вдоль второго этажа, и располагалось множество дверей с номерами квартир. Мне не составило труда подняться на второй этаж, найти свою дверь и открыть ее.

Что ж, понятно. Видимо, здешний ветер настолько жесток, что люди предпочитали пользоваться входом в дом из внутреннего двора, защищенного от стихии. А парадный вход дожидался весны. Несколько раз я щелкнул выключателем, пока не вспомнил, что город остался без электричества. Потом нашарил на тумбочке коробок спичек и свечу в стеклянном подсвечнике. Спасибо прежнему хозяину за предусмотрительность.

Обернулся и невольно вздрогнул, когда увидел, что на меня из темноты недобро сверкают ярко-желтые глаза. Потом раздался жалобный мявк, и мой нелепый страх мгновенно рассеялся. Я переходил от окна к окну, от столика к комоду, зажигая многочисленные свечи: простые белые, фигурные красные и золотые, в керамических плошках и витых старинных подсвечниках, пока вся комната не озарилась теплым светом, а обладатель желтых глаз не превратился из темного пятна в толстого темно-серого кота.

Об этом меня не предупредили! Не то, чтобы я не любил животных, но на то, что придется о ком-то заботиться, я не рассчитывал. Впрочем, кот – не собака, выгуливать его не надо, вон, внизу двери специальный прикрытый заслонкой ход. А уж насыпать корма в миску – невелика забота. Странно только, что хозяйева его оставили.

Бросив чемодан у дверей, я, не снимая пальто, уселся на диван, и пушистое чудовище мгновенно перебралось ко мне на колени. В ответ на небрежное почесывание за ухом тут же включило внутреннюю мурчалку. В отличие от меня, зверь явно оказался рад компании!

– Ну что ж, – подначил я, – давай обговорим условия совместного проживания. Учти, топтаться по моей голове с утра пораньше я не позволю, понял?

В ответ раздалось лишь пренебрежительное мяуканье, мол, говори-говори, и так понятно, кто в этом доме главный. Я огляделся. Как Стефан и предупреждал, квартира была небольшой: скорее, студия, в которой умещался необходимый минимум мебели. Кухня от зала отделялась лишь барной стойкой, за отдельной дверью скрывался бесполезный сейчас душ. После долгой дороги и борьбы с ветром на меня вдруг навалилась усталость. Я нашел силы лишь снять пальто, задуть свечи, чертыхаясь на себя, что зажег их в таком количестве, да разыскать в недрах шкафа пушистый плед. Последнее, что я успел сделать до того, как провалиться в сон – согнать с себя кота, который уверенно пристроился в удобную ямку пледа.

А проснулся от ослепительно яркой вспышки. Неужели снова гроза? Но нет, оказывается, щелкая выключателем, я оставил его не в том положении, и теперь в комнате зажегся свет. В чугунных батареях весело зажурчала вода, и комната наполнилась теплом. Я выключил свет, скинул свитер, а вскоре и вовсе разделся – жарко. Кот, как ни в чем не бывало, безмятежно дрых в ямке между спинкой дивана и моей подушкой. Вот же нахал! Я передвинул вниз тяжелую тушку и заснул снова, на этот раз до утра.

5. МАРЕК

Всегда предпочитал супермаркеты, но сейчас, не обнаружив ни одного поблизости, даже обрадовался. Упорная приверженность горожан продавать и покупать продукты по отдельности играла мне на руку: за одно утро я успел познакомиться с хозяином мясной, овощной и чайной лавок, а также с десятком посетителей, включая и своих соседей по дому. Везде меня доброжелательно приветствовали, предлагали помощь в обустройстве и тактично не задавали вопросов о причинах переезда.

– Осторожнее с Пуной, она та еще штучка! – бросил мне сосед, сгребавший с мостовой колотый лед, когда я с полными покупок пакетами возвращался домой.

– С Пуной? – в моем воображении при словах «та еще штучка» почему-то возникла вчерашняя незнакомка из магазина игр, но ничего опасного я в ней не заметил.

– Ну, да, с кошкой. Прожорлива до невозможности и любит устраиваться спать на свежем белье. Мы с женой подкармливаем ее, когда Стэн уезжает, но она упорно ходит по соседям и лакомится тем, что плохо лежит.

Ага. Значит, в моей кровати на подушке сейчас спал не кот, а кошка. А Стэн, стало быть, хозяин квартиры. Расспрашивать о нем было неудобно. Уж если я у него квартируюсь, то должен быть в курсе его дел? Сейчас пока понятно лишь одно – мне выпала сомнительная честь соседствовать с обжорой и нахалкой в облике пушистого ангела. Ну-ну!

– Якуб, – сосед, стянув рукавицу, протянул мне руку. – Живу в третьей квартире, отвечаю за дом, так что если какие будут вопросы, кран вдруг потечет или еще что, смело обращайся.

– Марек, – ответил я, пожимая мозолистую ладонь, – отопление, честно говоря, для меня чересчур жарит.

– Так там на батареях внизу вентиль, ты подкрути, отрегулируй, как надо. Отопление-то у нас на весь дом, на первом этаже старушки обитают, так они, наоборот, вечно зябнут.

Пару минут я поговорил с Якубом, узнал о правилах и порядках дома (к счастью для меня, довольно демократичных), потом отнес пакеты в дом и вышел в город снова, сам не зная, зачем. Заниматься наведением порядка и разбором вещей у меня не было ни малейшего желания. В конце концов, квартира – это всего лишь место для сна. А вот новый город в лучах робкого солнца, осторожно раздвигающего хмурые облака, выглядел заманчиво. Да и ветер стих, чем не повод для прогулки?

Сейчас Юблеч выглядел гораздо более привлекательным, чем вчера. Последствия урагана устранили: убрали доски и разбившиеся горшки, на вывороченных ставнях кое-где подновили краску, растянули вдоль фасадов сбитые наземь гирлянды. Я тут же вспомнил манипуляции с растяжкой и свернул туда, где по моему внутреннему компасу, находился магазин игр. Вот только то ли я вчера слишком устал, то ли в сумерках неправильно запомнил дорогу, но через несколько кварталов убедился, что забрел куда-то не туда.

Ладно, в любой момент можно спросить название магазина, я был уверен, что мне охотно подскажут путь. А пока, повинувшись азарту исследователя, совершенно неожиданно проснувшегося во мне, брел наугад по незнакомым улицам, постоянно расчерченным мостиками. Город услужливо развернул передо мной свои улочки и площади, а я понял, почему он показался мне таким привлекательным: потому что в нем жила девушка, которая мне очень понравилась.

На одной из улиц детвора играла в снежки – сомнительное удовольствие, если учесть, что снег не очень-то свежий, да еще ледяной крошкой присыпан. Так что снежки стали настоящим оружием, что малолетних шалопаев нисколько не смущало. Вражеские группировки расположились по разные стороны улицы, и все, кто проходил мимо, рисковали попасть под обстрел. Прохожих, впрочем, на улице было немного, но девушке, идущей впереди меня, все же досталось. Снежок попал ей прямо по уху, сбив темную шапку, и по ее спине золотистой волной рассыпа-

лись очень длинные волосы. От неожиданности незнакомка потеряла равновесие, и из пакета, который она несла в руках, полетели на тротуар промасленные свертки.

Помочь я не успел. Мальчишки, затихшие было за сугробами, узнав девушку, бросились к ней с веселыми воплями:

– Пани Ева, пани Ева, мы не нарочно, пани Ева, простите, пани Ева, а вы сегодня что несете?

Девушка, смеясь, отбивалась от облепивших ее мальчишек, и волосы плескались пышной волной. Завораживающее зрелище! Она, похоже, ничуть не сердилась, потому что развернула один из пакетов, услужливо поднятых мальчишками с земли, и протянула его озорникам. Над улицей, перебивая сырой запах подтаявшего снега, растекся умопомрачительный запах свежей сдобы. Мальчишки вовсю захрустели крендельками, а девушка, с трудом собрав тяжелый узел волос под шапку, сердечно попрощалась с мальчишками и свернула к какому-то дому.

Я с сожалением проводил ее взглядом. Не знаю, почему, но с юности я испытывал тягу к длинноволосым девушкам. С теперешней модой, когда девчонки норовили чуть ли не наголо бриться, таких редко встретишь. Потому мне и приглянулась Санна, которая со своими локонами на фоне коротко стриженных подруг выглядела сказочной принцессой. По той же причине мне нравилось смотреть на Халле, хотя она постоянно портила свою чудесную шевелюру радужными расцветками.

Но вот таких я еще не встречал. Перед глазами вновь и вновь прокручивался кадр, как слетает с головы шапка и рассыпается чуть не до пят золотистый водопад волос. Задумавшись, я не заметил, как свернул в какой-то новый переулок и с разбегу наткнулся на встречного прохожего. Или, если судить по растерянному ойканью, прохожую.

– Ты решил начать знакомство с городом с того, что калечишь его жителей?

Оп! Если я и не верил в мироздание, посылающее человеку счастливые случайные встречи, то сейчас я готов был его поблагодарить за подобную возможность. Моя прекрасная незнакомка из магазина морщилась, потирая ушибленное плечо, но глаза из-под густой челки сверкали озорно и приветливо. Интересные у нее глаза: вчера, в сумерках, они казались темными, как грозовое небо, сейчас сияли серебром.

Я схватил ее за руки:

– Черт, прости, задумался!

Не стал уточнять, о чем, вернее, о ком. Но сейчас, когда передо мной предстало нежное, раздурманившееся лицо, мысли о русалке – пани Еве, мгновенно выветрились из головы.

– Ладно, – засмеялась девушка, – так и быть.

И не сделала ни малейшей попытки продолжить путь, что дало мне повод признаться:

– Знаешь, а я ведь твой магазин искал.

– Да? И что, не нашел?

– Нет, даже странно...

– Ну, он у нас строптивец, любит прикинуться рыбной лавкой или вовсе наглухо закрытым мебельным складом.

– Что, правда?

Девушка звонко захохотала:

– Нет, конечно. Просто с непривычки все улицы кажутся одинаковыми, вот ты, наверное, и свернул не туда. Но сегодня мы не работаем.

– Да я, собственно, не для покупки искал.

– Да? – поддразнила она. – А для чего?

Все же ведь поняла, но неприкрыто упивалась ситуацией. А у меня почему-то не возникло ни малейшего желания из строптивости обломать ей кайф, поэтому я выдал то, чего она ждала и что, по сути, являлось абсолютной истиной:

– Тебя хотел увидеть!

– Да ты что? Зачем?

И впрямь!

– Имя забыл спросить.

– А зачем тебе мое имя? – не сдавалась она.

– Ну, как же! Нас ведь с тобой, все же объединяет общее важное дело: спасение измученной ветром растяжки. Да и пить кофе при свечах – чем не компрометирующие обстоятельства? После подобной близости мы просто обязаны познакомиться! Я, кстати, Марек.

– Ну, если так рассуждать, то конечно! Меня зовут Виса. И, – она останавливающим жестом вытянула руку, – только, ради светлого прилива, не спрашивай меня, почему так.

– Я и не собирался, – беззастенчиво соврал я, хотя именно об этом и хотел спросить, – а причем здесь прилив?

– Это местная присказка.

В разговоре возникла крохотная заминка, звоночек, что мне стоило сделать следующий шаг. Виса не поторапливала, но и помогать мне не спешила. Переминалась с ноги на ногу, то и дело сдувая с лица непослушную челку.

– Я не задерживаю тебя? – как будто спохватился я, про себя чертыхаясь избитости приема. – Ты ведь куда-то шла.

– Куда-то шла, да, – согласилась она, посмеиваясь и нимало не облегчив мне задачу.

С каких пор я стал чувствовать себя неловким юнцом, не умеющим склеить девушку? С тех самых, включился внутренний скептик, как привык, что девушки сами из кожи вон лезли, чтобы завладеть моим временем и вниманием. Виса же в идеальных пропорциях смешала проявляемый ко мне интерес и неготовность перехватывать инициативу в свои руки.

– Не будешь против, если я составлю тебе компанию?

– Ты же в другую сторону шел? – поддразнила она.

– А мне все равно, куда идти. Я город хотел посмотреть. А теперь не все равно, – поспешно исправился я.

– Да? – она сделала вид, что раздумывает. – Что ж, какая девушка устоит перед соблазном пройтись в компании такого красавчика!

Я даже не успел скривиться, как Виса добавила:

– Ох, прости, это я от волнения говорю раньше, чем успеваю придержать язык. Тебе, наверное, комплименты уже приелись? Я знаю, красивым парням хоть и льстит внимание, но и надоедает тоже. Или ты все же из тех, кто зеркальце в кармане носит?

– Зачем? – не сообразил я.

– Чтоб любоваться собой, конечно.

С предельно серьезным видом я охлопал все карманы:

– Странно, куда же оно запропастилось?

Виса уверенно взяла меня под руку и развернула в сторону, откуда пришла:

– Ну, все понятно. Ты все же из тех, кто терзается тем, что из-за твоей внешности не желают замечать твой богатый внутренний мир. Что ж, Марек, пошли, но учти, дразнить тебя красавчиком я все равно буду.

– Почему?

Теперь, когда мы шли по улице, а рукой Виса крепко держалась за мой локоть, на сердце стало спокойнее: по крайней мере, согласие на прогулку получено! Но в то же время я понимал: если я хочу удержать внимание такой бойкой на язык девушки, мне нужно будет постараться. И от предвкушения мне стало радостно и волнительно. Отличное сочетание – рядом с ней мне было спокойно и легко, и в то же время ее близость меня будоражила.

– Видишь ли, Марек, у меня слабость к совершенным людям. Чаще всего это касается тех, кто что-то делает безупречно, но и перед красотой внешней сложно устоять. Поэтому я включаю защитный механизм и...

– Насмешничаешь?

– Вот именно.

– У меня тоже есть защита от своей красоты. Я вполне успешно компенсирую ее несносным характером и хамским поведением. Уравновешиваю, так сказать.

Виса фыркнула:

– Но то, что согласен считать себя красавчиком, только что признал?

– Черт! Неужели прокололся? А я-то рассчитывал незаметно зеркальце в сугроб выкинуть!

– Нет, нет, мусорить у нас нельзя. Юблеч – образчик чистоты, просто сейчас под снегом это не сильно видно.

Пользуясь лазейкой в разговоре, я перевел беседу на более безобидную тему:

– Кстати, о городе. Почему у вас так много мостов? Причем, насколько я вижу, абсолютно непрактичных?

Виса на миг притормозила и резко потащила меня в проулок.

– Что такое?

– Хотела отвести тебя на набережную. Именно с нее начинают знакомство с городом, но раз уж ты спросил, поедem в другое место! Не торопиться?

– Нисколько, если учесть, что основной цели своего шатания по городу я достиг! Тебя встретил, – уточнил я, перехватив ее вопрошающий взгляд.

Как же чудесно было наблюдать, когда девушка смущается и краснеет! Нежный румянец словно подсвечивал изнутри ее мраморно-белую кожу, что в сочетании с ярко-серыми глазами и маняще пухлыми губами делало Вису совершенно неотразимой. На минуту я вообще забыл, что мы куда-то шли. Но Виса, чутко уловив опасность поцелуя, поспешно отстранилась и потянула меня дальше. Эх... Всегда подозревал, что у девушек есть тайный кодекс, строго регулирующий сроки, через которые позволено подпускать парня ближе. Видимо, зеленый сигнал еще не включился! Вот только думать о чем-либо другом мне стало крайне сложно.

6. МАРЕК

Виса, не подозревающая о моих крамольных мыслях, привела меня к навесу, под которым рядком стояли снегоходы. На ее стук из гаража вышел парень в ярко-желтом комбинезоне, вытирая руки тряпкой.

– Привет, Вит, – Виса чмокнула парня в щеку, и я почувствовал крошечный укол в сердце, хотя было ясно, что это – всего лишь дружеское приветствие. – Есть что на ходу?

– Далеко собрались? На дороге скользко.

– К Мосту.

– Вон, – кивнул парень на темно-серый снегоход с краю.

Я поспешно достал бумажник, пока этого не сделала Виса. Не хватало еще, чтоб она за меня платила. Внутренне похвалил девушку, что при виде купюр она не начала вещать о неловкости или праве на независимость, а терпеливо ждала, пока я отсчитаю нужную сумму (я вовремя успел заметить табличку с расценками).

– Удачи, – проводил нас Вит, вручая нам шлемы, и обратился уже к Висе, – не лихачь только.

И ушел в гараж, оставляя меня переваривать услышанное.

– То есть за руль сядешь ты? – уточнил я.

– Конечно, – спокойно ответила она. – Во-первых, ты не знаешь, куда ехать. Во-вторых, я не знаю, как хорошо ты водишь. В-третьих, по правилам приезжих за руль пускают лишь после проверки инструктора, но мы же не будем тратить на это время, верно?

Я остался недоволен обстоятельствами, хотя спорить на данной стадии знакомства не хотелось. Но Виса и тут спасла положение. Стала, подбоченясь, и зазывно покачала бедром:

– И потом, у тебя появится прекрасная возможность ехать, обнимая меня. Поверь, несколько парней в этом городе заплатили бы двойную таксу за подобный шанс!

Ну, все! Я стремительно подскочил к Висе и рывком прижал ее к себе. Даже зимний наряд не мешал мне чувствовать ее гибкую талию. Но Виса опять увернулась.

– Эй, эй, Марек, я же шучу!

– Какие уж тут шутки, – голос мой звучал хрипло от нарастающего возбуждения.

Но Виса вдруг перестала улыбаться и изо всех сил уперлась руками мне в грудь:

– Ну, хватит, пожалуйста! Прости! Я перестаралась с провокациями!

Я отступил. У Висы был сожалеющий вид, вот только я не мог понять, о чем она жалеет: о том, что спровоцировала меня или о том, что сейчас было не время и не место, чтобы уступить.

– Мы поедem? – тихо спросила она, опустив глаза.

– Да, – вздохнул я и натянул шлем.

После этого вся дорога, конечно же, стала сплошной пыткой. Мне приходилось маневрировать, сжимая руками ее талию и в то же время отодвигаясь как можно дальше. И, поверьте, сохранять равновесие в такой ситуации оказалось крайне нелегко! К счастью, Виса вела снегоход осторожно, а ехать нам было недалеко. Уже минут через пятнадцать, когда мы оказались за пределами города, она остановилась на расчищенной площадке на краю скалы, за которой жемчужно-серым полотном расстиралось море.

Справа, на горном склоне в окружении разлапистых елей виднелось двухэтажное здание, видимо, ресторан, откуда при каждом открывании двери доносился веселый смех, но Виса повела меня не туда, а вниз, к узкой лестнице с множеством ступенек.

– Осторожно, – предупредила она, – здесь сейчас скользко.

– Давай я пойду вперед, – предложил я, – подхватчу тебя.

– Не надо, просто держись.

Так, похоже, мне ненавязчиво давали понять, что желания оказаться в моих объятиях, пусть и случайно, не испытывают. Но как только мы оказались на пляже, Виса, рассеивая мои мрачные подозрения, вновь взяла меня под руку и, почему-то разворачивая меня лицом к берегу, повела к бревну, в котором было выточено углубление-сиденье. Сделала мне знак садиться и отступила, открывая вид, от которого до этого ненавязчиво отгораживала.

Перед нами берег закруглялся, выступая далеко в море. И недалеко от его края в море возвышался островок странной формы.

– На что похоже? – спросила Виса.

Я пригляделся.

– Ну, вообще-то на арки, только моста между ними не наблюдаю.

– Молодец, – уважительно протянула Виса, – не все туристы с первого раза распознают, если, конечно, не подсмотрели в путеводителях. Это – главная достопримечательность Юблеца, так и называется – Мост, хотя, как ты справедливо заметил, моста здесь нет. Собственно, это отправная точка истории города, именно здесь когда-то было основано поселение, из которого позже и вырос Юблеч.

– Он же вроде в стороне?

– А вот это – отдельная история.

– И легенда, как я понимаю, прилагается? – уточнил я, наблюдая, как солнечные лучи проскальзывают сквозь арки, окрашивая скалы в золотистый с розоватыми отливами цвет.

– Конечно! – кивнула Виса. – В общем, так. Когда-то в этих местах жили два племени. Одним, живущим в горах, управлял горный царь, другими – побережниками – морская царица. Племена не враждовали, но жили изолированно друг от друга, уж слишком различались их обычаи. Но, как водится, в один прекрасный день пришел на берег юный наследник горного царя, чтобы вволю погрузиться о неведомом. И в том же месте в то же время появилась юная и прекрасная дочка морской царицы, которую отнюдь не тяготили горестные думы. Напротив, она резвилась в ласковых морских волнах, и так прекрасен был ее смех, так искрились водяные брызги в ее длинных волосах, что царевич влюбился без памяти.

Шло время, и после долгих свиданий украдкой влюбленные поняли, что больше не могут жить друг без друга, и открыли правду родителям. Как бы ни омрачены были властители столь неуместной любовью, им хватило мудрости не препятствовать своим детям в их выборе. Стоворились о свадьбе, вот только во время торжества влюбленным устроено было испытание. От гор к морю протянулся по воздуху радужный мост, связывающий два мира.

– Подумай о том, что оставляешь ты за своей спиной в прошлом, – сказала царица дочери, когда та вступила под первую арку моста, – о бирюзовых глубинах моря, где ты росла и резвилась беззаботно, о своих морских питомцах и поданных, которые нежно любят тебя. Готова ли ты отказаться от простора и свободы во имя своей любви?

– Готова, – ответила царевна и вступила на мост.

С замиранием сердца смотрел жених, ожидающий ее на берегу, как она движется навстречу. Вот уже близко была девушка, но теперь, под второй аркой, венчающей конец моста, остановил ее грозный горный царь.

– Ты отреклась от прошлого, – сказал он, – теперь же подумай, готова ли ты к будущему. К жизни в мрачных ущельях, куда не проникает луч света. К влаге, которая лишь сочится сквозь стены, а не плещется волнами. К холодным и хмурым дням под величественными сводами пещер. Готова ли ты согласиться на мрак и тесноту во имя своей любви?

– Готова, – твердо ответила девушка и сделала последний шаг.

В тот же миг, когда руки влюбленных соединились, мост рухнул, как знак, что пропасть во имя любви преодолена. А арки остались, как символ любви, во имя которой можно отказаться от всего, что тебе дорого. Летом здесь натягивают подвесной мост и проводят свадебные церемонии.

– А влюбленные? – полюбопытствовал я. – Часто у подобных легенд трагичный конец.

– Ну, есть, конечно, и такая версия, – призналась Виса, – но по любимой версии местных жителей, юная царевна прожила долгую и счастливую жизнь в горных чертогах. И каждую весну, сметая все на пути, устремлялись с гор к морю реки, неся морской царице весточку о дочери. Поэтому именно арочный мост или просто арка на скале стала символом Юблеча. Поэтому и в самом городе так много мостов. Даже среди местных до сих пор четко различаются потомки двух племен: побережники – с длинными светлыми волосами, тонкокостные, гибкие, переменчивые, и горцы, темноликие, кряжистые, консервативные.

– А почему поселение не сохранилось?

– Это еще одна городская легенда, ну, или та же самая. По трагической версии царевна не вынесла жизни в мрачных пещерах и захотела вернуться домой, к матери, но муж не хотел ее отпускать. И тогда морская царица осерчала и наслала на землю темный прилив, сметающий все на своем пути. Вода размывала скалы и освободила царевне путь домой, а горцы утонули. Когда приходит темный прилив, вода полностью закрывает и островок с аркой, и берег. Поселение просто смыло, и люди перебрались выше по берегу, в более безопасное место.

– Так темный прилив – это не вымысел?

– Нет, он и вправду случается, к счастью, только раз в год, в январе. И это время считается самым мрачным. Обостряются болезни и фобии. Хотя, думаю, – улыбнулась Виса, – это больше связано с тем, что люди после череды праздников возвращаются к повседневной жизни, вот и хандрят. Да и погода в январе – хуже некуда.

– А про светлый прилив ты же упоминала раньше, как присказку?

– Если ты был на море, наверняка видел по ночам свечение такое – серебристо-голубоватое?

– Биoluminesценцию?

– Я не рискнула выговаривать это слово, – рассмеялась Виса, – да, ее. Так вот у нас она тоже есть, но светлый прилив приходит в июле и приносит с собой особый планктон, который придает воде не голубоватый, а золотистый цвет. Кажется, что в воде разлито жидкое солнце. В противовес темному время светлого прилива считается временем радости, торжества жизни и загадывания желаний.

– Дай догадаюсь: начало июля – у школьников каникулы, у студентов – закончилась сессии, у остальных – начались отпуска, да и сезон в разгаре, который кормит город? Несложно ощущать себя счастливыми?

– Так и есть, мифы и реалии переплетаются. Если задержишься в Юблече, полезно знать особенности местного фольклора.

Шумело море, а Виса притихла, словно утомилась после долгого рассказа. Я осторожно обнял ее за плечи и притянул к себе. На этот раз она не сопротивлялась, чуть откинула голову назад, и алые губы маняще раскрылись.

Сзади нас с шумом и треском осыпалась галька на тропинке, и наш несбывшийся поцелуй растворился в моих мысленных проклятиях. На берег вывалилась толпа людей, несложно понять, что туристов. Они принялись щелкать фотоаппаратами, издавать восхищенные возгласы и не сразу заметили нас, устроившихся на бревне.

– Пардон, – подвыпивший господин сорвал шапку в церемонном поклоне, – мы нарушили ваше уединение.

Мы с Висой переглянулись и встали, понимая, что момент упущен. Только сейчас я заметил, что продрог, и, судя по Висе, она тоже.

– Может, погреемся? Там же ресторан наверху?

– Да.

По лестнице мы поднялись, держась за руки. Пару раз поскользнулись, и тогда я уже смело обнимал Вису, чтобы удержать. Фыркнул, вспомнив ее слова:

– Как же невесты в пышных платьях сюда спускаются?

– В теплое время есть другая дорога, кортежи подъезжают прямо к основанию Моста, вон там, к скале, но сейчас туда нельзя, слишком опасно.

Недолгий путь к зданию молчали, но это молчание было легким и приятным. Молчание волнующего сближения... В уютном бревенчатом зале, где в углу весело потрескивал камин, Вису встретили улыбками и веселыми возгласами, и мои надежды на ужин в романтической обстановке мгновенно испарились. Сложновато это будет под прицелом любопытных взглядов!

Я помог Висе снять шубку, потом она стянула шапку, и я замер, потрясенный. Густая темная челка никуда не делась, но остальные волосы были подстрижены очень коротко, как у мальчишки, а затылок и вовсе выбрит, обнажая тонкую нежную шею.

– Что? – Виса замерла, чувствуя напряжение, повисшее в воздухе, и я спохватился.

– Ничего, все в порядке. Стрижка у тебя... гм... необычная.

Я отодвинул стул, ожидая, пока Виса усядется, потом устроился напротив, но она прищурилась и выдала с легким презрением, за которым тщетно пыталась скрыть разочарование:

– Охо-хо. А ты, похоже, из тех, кому нужны очи долу, юбки в пол и длинные косы? Знала бы раньше, сняла бы шапку еще вчера, в магазине, чтобы ложных надежд не давать.

– Да, ну, брось, не настолько все запущено!

– Точно?

– Абсолютно.

– Ладно, поняла. Просто не буду поворачиваться к тебе спиной!

Мы засмеялись, но непринужденность испарилась. Я жутко разозлился, но не на Вису за ее откровенность, а на себя за то, что не смог скрыть минутного замешательства. Господи, подумаешь, дурацкая стрижка! Признаться, ей даже идет: придает озорной вид, если, конечно, не обращать внимания на поджатые губы, мгновенно утратившие притягательную пухлость.

Виса заказала кофе со специями, я – красное вино, лишая себя возможности управлять снегоходом, обещанную мне Висой на обратном пути. От еды мы оба отказались, несложно было понять, для того, чтобы ужин не затянулся. В город вернулись в полном, уже настороженном, молчании, хотя в этот раз я не сдерживался и прижимал ее к себе так крепко, как только мог. Но Виса не реагировала. Сдав снегоход в гараж, мы остановились на перекрестке, и она спросила:

– Доберешься сам? Не заблудишься?

Ну, ясно. Мне дали понять, что дальше нам не по пути. Вот уж не думал, что она так сильно обидится из-за пустяка. В голову стукнуло привычное раздражение. Что я, в конце концов, такого уж страшного сказал? Тоже мне, царевна морская!

– Не заблужусь, – резко бросил я в ответ, – Спасибо за экскурсию.

И вновь презрительный прищур в ответ. А что она ожидала? Что я брошусь извиняться и заглаживать свою вину? А в чем я, собственно, виноват? Нет, хватит с меня на сегодня!

– Ладно, пока, – и ушел, уже через пару шагов остро сожалея о своей вспышке.

Ну, и извинился бы, не убыло б с меня! Ведь она же тебе понравилась, дурак, по-настоящему понравилась! Ведь тебе давно уже ни с кем не было так хорошо! Даже к Санне так не тянуло! К Санне было тихое, ровное чувство, а здесь – яркое влечение. И что? Все насмарку из-за дурацких слов?

Город, словно почуяв мое настроение, неожиданно вступился за свою обиженную жительницу: подsunул мне под ноги припорошенную снегом ледовую дорожку, на которой я упал, пребольно ударившись пятой точкой. Потом выставил прут ограды, о который я зацепился и порвал пальто. Под занавес, уже во дворе, на меня с перил второго этажа всей своей тяжелой тушкой обрушилась Пуна, царапая мне щеку. Я зашипел от боли, тщетно стараясь содрать кошку с плеч, но это исчадие ада вцепилось мне в пальто и только орало дурным голосом.

Зайдя в квартиру, я споткнулся о пакеты, которые сам же с утра бросил у порога и, пытаясь удержать равновесие, задел свечи на тумбочке, которые с грохотом полетели на пол. Отличное завершение дня, нечего сказать!

Остаток вечера у меня ушел на устранение разгрома, борьбу с Пуной за пакет с вырезкой, которую она утащила под диван, и раздумья, стоит ли идти к Висе с извинениями. Но почему-то мне казалось что я не найду магазин. Да и насчет того, что мои неловкие извинения будут приняты, тоже были большие сомнения. В конце концов, я решил, что пойду к Висе завтра. Вот прямо с утра. И заснул, сопровождаемый довольным урчанием Пуны, пристроившейся в углублении между подушкой и изголовьем...

7. СТЕФАН

Весь январь Стефан прожил с ощущением тяжести на душе, и все потому, что согласился на индивидуальную работу с Аурикой. Согласился и тут же пожалел, но отступить было поздно: он не хотел выглядеть малодушным ни в глазах коллег, ни, тем более, в глазах своей новой подопечной. Он ведь обещал, что не выдаст своих чувств? Только вот на деле все оказалось куда сложнее.

Стефан вырос в Зарнове, западном городе особого статуса, в крепкой дружной семье, где все любили друг друга. Любили, смешили, баловали. Уверенность в том, что счастье – состояние естественное, выплескивалось и за пределы дома, где все ладилось, спорилось и получалось. Предложение профессора об учебе, а затем и о работе в институте Стефан принял с энтузиазмом. Менять мир к лучшему, поддерживать баланс, беречь город от негатива – что может быть чудеснее? Как и Аурика, он совершил свой личный прорыв еще на первом курсе и сразу завоевал доверие профессора.

К тому времени Стефан уже понимал, что даже в доверительной и дружелюбной атмосфере Зарнове он со своими идеалистичными установками выглядит несколько странновато. Рыцарь в сияющих доспехах, светлый мальчик, рядом с которым люди лишь острее чувствуют собственное несовершенство. Но и тут он стал исключением. Люди тянулись к нему, грелись в его теплых волнах, верили ему, верили, что все будет хорошо. Что все уже хорошо.

Но сам он лишь в институте смог полностью расслабиться. Иногда Стефан сам уставал от себя, правильного, и постулат о дозволенности любых эмоций, даже самых неприглядных, стал для него своеобразной лазейкой. И все же краткосрочные приступы легкой зависти, обиды или даже злости не стали для него таким испытанием, как неожиданное чувство к Аурике.

До этого Стефан встречался с милой спокойной девушкой, но оба понимали, что их чувство, скорее, сродни родственному. Тихие прогулки, выезды с семьями на пикники; ночи, наполненные сдержанной нежностью. Потом, во время летней практики, его девушка влюбилась в инструктора по дайвингу. Бросила учебу, написала Стефану письмо, полное раскаяния, и укатила к новому возлюбленному, чтобы наслаждаться безудержными страстями на фоне райских тропических пейзажей. И Стефан честно признался себе, что испытывает лишь облегчение: и от их разрыва, и от того, что не ему пришлось стать инициатором расставания.

Появление Аурики стало для него неожиданным во всех смыслах. Во-первых, потому что первокурсницы в аудитории после занятий не должно было быть. Но она была: растерянная, испуганная, кинувшаяся к нему, как к спасителю. Растрепанная пестрая челка, сияющие глаза, тонкие запястья. Воплощение женственности. Во-вторых, потому что до сего момента Стефан не представлял, что даже простое наблюдение издали за предметом своих чувств может быть таким... волнующим.

Ох, сколько неизведанных доселе эмоций пришлось ему пережить! Надежду, отчаяние, ревность, нежность, зависть, грусть. Воспоминания о каждой встрече, о каждом разговоре он перебирал вечерами, наполняя душевную шкатулку. И все напрасно! Аурика вполне ясно дала понять, что ему ничего не светит. Уж она-то не стала бы связывать себя отношениями удобными, как это малодушно когда-то сделал сам Стефан. Нет, она искренне любила своего мужа, хотя и мучилась сомнениями, которые успешно смогла преодолеть за время первого семестра.

И теперь, узнав о том, что она ждет ребенка, Стефан окончательно смирился с тем, что его любовь так и останется неразделенной. Потому и в Юблеч уехал с охотой – подальше от соблазна. Индивидуальные занятия по решению профессора были отменены: женщины в положении считались эмоционально нестабильными, чтобы участвовать в экспериментах. Правда, перспектива работать в паре с Тедером его совсем не радовала. Ну, хотя бы потому, что Марек тоже был связан с Аурикой.

Обо всем этом Стефан думал, когда шел к Тедеру. Тот, сонный и растрепанный, впустил его в квартиру и закурил, пуская дым в кухонную вытяжку. Оказавшись в квартире, Стефан осторожно присел на краешек стула, решительно отмел попытку Пуны вспрыгнуть к нему на колени, и кошка, обиженно фыркнув, вернулась на диван.

– Кстати, о кошке, – спросил Тедер, – почему о ней не предупредили?

– Кошка – обязательное приложение к квартире, а других вариантов не было. Ее хозяин – дальний родственник профессора, моряк. В рейсах по полгода, когда уходит, сдает квартиру туристам.

– Теперь понятно. Кофе будешь? Растворимый, – быстро уточнил Тедер.

– Нет, спасибо. Собственно, я пришел, чтобы отвести тебя в институт. Скоро занятия начнутся, хотелось бы еще раз все обсудить.

– С чего такие почести? Позвонил бы, я сам пришел.

– Не все так просто. Фокус с дверьми в Юблече не работает. Здесь в институт попадают другим путем.

– Да? И как же?

– Вот за этим я и пришел – показать, как. Ты завтракай, я подожду.

Но, похоже, в присутствии Стефана у Тедера кусок в горло не лез. Он наскоро выпил кофе, оделся, и они вышли на улицу. Стефан шел быстро и решительно, и Марек едва поспевал за ним. Надо же, подумал он, а ведь Стефан не похож на человека, увлекающегося спортом, но догнать его не могу. Очередной аргумент в пользу решения, что нужно бросать курить, дыхание сбивалось от скорости.

Сегодня город был настроен нейтрально, словно присматривался, что новенькие натворят. Немногочисленные прохожие приветливо им кивали или здоровались, но в этом не было ничего удивительного: Стефан уже понял, что здесь, как и в Валиновице, люди настроены доброжелательно. Конечно, сложно было представить, что они будут привечать каждого туриста, но сейчас не сезон, да и шли они по улицам, далеким от туристических маршрутов, вот, видимо, и принимали их за местных. Собственно, формально на ближайшее время они такими и стали.

Неизвестно, как люди, а сооружения здесь явно страдали манией величия. Хотя теперь Марек и знал легенду (воспоминания о вчерашней прогулке отозвались на сердце легким царпаньем), но то, что почти у каждого моста арки, в основном, мощные каменные, похожие больше на останки крепостных ворот, смотрелось все же довольно нелепо.

– Смотри внимательно, – прервал его размышления Стефан, – чтобы не тратить напрасно время на дерганье дверей. Доходишь до конца моста и как только вступаешь под арку, зажмуривайся. Третий шаг – обязательно с левой ноги. Давай! Черт, проскочили. Давай еще раз, за руку я тебя не проведу, только сам.

Марек недоверчиво покосился на Стефана, но на розыгрыш похоже не было: тот оставался предельно серьезен. Ладно. Марек отступил назад, закрыл глаза, сделал первый шаг, второй, третий.

– Все, мы на месте.

Марек точно помнил, что арка выходила на небольшую площадь с замерзшим фонтаном в центре, но сейчас они стояли в подозрительно знакомом дворе, разве что скамейки оказались переставлены по-другому.

– Мы в институте?

– В нем самом.

Стефан, кажется, облегченно перевел дух. Он не был уверен, что Тедер справится.

– В каждом городе свой путь в институт. В Валиновице нужно открывать двери наоборот. Здесь, в Юблече, порталами служат мостовые арки. При условии, что третий шаг – с левой ноги и с закрытыми глазами.

– Сложновато. А если кто-то идет навстречу, и я на него сослепу наткнулся?

– Ну, уж постарайся выбрать момент. Юблеч не столь перенаселен, да и мостов здесь в избытке.

– И никого не удивляет, что человек шел-шел по мосту, а из-под арки не вышел?

Похоже, Тедеру доставляло особое удовольствие изводить Стефана вопросами. Левандовскому стоило некоторых усилий, чтобы сдержаться.

– Никто пока не жаловался. А если и находились особо пытливые, то, на наше счастье, про мосты здесь столько суеверий и легенд бродит, на целый роман хватит!

– Ты про любовную историю горного принца и морской царевны?

Стефан приподнял брови:

– А ты, молодец, не теряешь времени даром. Да, это одна из версий, но есть еще множество, я тебе скину ссылку на сайт местного фольклора. Вдруг разглядишь подсказки?

– А обратно как же?

Стефан невозмутимо кивнул на здание, и Марек заметил, что от каждой двери в центр двора вел декоративный мостик с арками, выложенными все из того же камня, только не такими массивными, как в городе. Когда они успели их установить? Или это все же другой двор? Марек вспомнил страхи Халле про пространственную развертку и впервые задумался, а ведь и впрямь, где физически находится институт, если в него можно попасть из разных городов (он знал про Валновице и Юблеч, но сколько их по факту?).

– В город выйдешь там же, где и входил. Здесь вариаций, как в Валновице, нет. Камень арок надежно фиксирует момент перехода. Столкновений со случайными прохожими не бойся – уже проверено, что все происходит абсолютно естественно.

– Да, весело тут.

– Привыкнешь. Занятия послезавтра, здесь график другой, учиться будете не с трех до шести, а с двенадцати до трех. Наверное, уже успел заметить, что во второй половине дня начинается ветер?

Да уж. От одного воспоминания о приезде в город Мареку стало зябко. А Стефан продолжил его инструктировать:

– Расписание посмотришь в холле, информеры здесь не работают.

– Даже так? А эмоциональный сканер?

– Им здесь не пользуются, в лаборатории будет... Впрочем, все узнаешь на вводной лекции. Сначала была идея дать тебе личные дела группы для изучения, но потом мы решили, что первое впечатление зачастую оказывается самым верным. Придешь, как обычный новичок. Присмотришься. Если что покажется странным или подозрительным, фиксируй, сообщай. Дальше разберемся.

Так-так, личные дела, значит? В принципе, обычная практика в вузах, но Мареку было бы интересно почитать, что они там накатали. Что-то думалось ему, что дело не в предвзятости, а в том, что были данные, которые ему просто не положено знать. И все же, как ненавязчиво его подталкивали к мысли о причастности. Мол, смотри, дружок, мы тебе доверяем! И, кстати, «мы» – это профессор и Стефан? Или еще кто был завязан в аванюре с поисками?

– Что подозрительное?

– Мотив. Сбор энергии нужен для вполне конкретных целей. Человек не сможет потратить ее на себя, чтобы обрести душевное равновесие. Но ее можно истратить, например, на то, чтобы вылечить больного родственника или помириться с возлюбленным. Или даже вернуть в семью мужа или жену. Если ты узнаешь о семейных и личных отношениях своих новых сокурсников, легче будет определить, мог ли кто-то из них совершить воздействие.

– Вернуть в семью? То есть, можно заставить кого-то разлюбить другого и вновь полюбить себя?

– С таким запасом энергии – да, возможно. Надолго ли и с какими последствиями – уже другой вопрос, но механизм воздействия есть.

– Тогда почему же...

Марек осекся. Мог ли Левандовский быть настолько двуличным, чтобы притворяться охотником, являясь при этом таинственным злодеем? Что мешало ему воспользоваться ситуацией и влюбить в себя Халле? Если он знал и понимал механизмы перераспределения энергии, которые пока ни он, ни профессор Мареку не раскрывали.

Но Стефану хватило оговорки, чтобы догадаться, что Тедер имел в виду. Он резко остановился, и Марек, наконец, узрел, что и тот способен терять над собой контроль: кулаки сжались так, что костяшки пальцев побелели.

– Мне не нужна любовь Аурики, полученная подобным путем, если я правильно понял суть твоего недо-вопроса, – отчеканил Стефан. – К тому же, плохим бы я был сотрудником института, если бы использовал полученные здесь знания в столь неприглядных целях.

Марек промолчал. Оправдываться он явно не собирался, да и трепать лишний раз имя Халле ни к чему. И потом... кому, как не ему было знать, как неприятно, когда на твое чувство не ответили взаимностью! Стефан понял, что Марек не будет вступать в спор, резко развернулся и повел напарника внутрь здания, где показал доску с расписанием и подождал, пока тот сохранит в телефон фото. Холл был другой, хотя до последнего Марека не оставляло ощущение, что сейчас появится консьержка с котом на плече. Но нет. Потом Левандовский сопроводил Марека обратно во двор. Интересно, это забота или контроль? И знали ли они о том, что в первый день учебы Марек возвращался в институт и блуждал по нему в одиночестве? Наверняка, знали.

Хоть Марек и был предупрежден, все же возвращаться под свод арки, шагая с мостика во дворе института, оказалось не очень уютно. По спине прошелся мгновенный холодок от прохождения невидимого портала.

Стефан, дождавшись, пока тот исчезнет под сводами арки, присел и зачерпнул горсть слежавшегося снега. Умыл лицо. Щеки мгновенно закололо льдинками, но голове стало легче. Да, нелегко им будет общаться, особенно если Тедер не остановиться в своем желании уколоть его на счет Аурики. О том, что люди остро реагируют лишь на те намеки, что имеют под собой основания, он предпочел не думать.

8. МАРЕК

Домой я заходить не стал, сразу двинулся по направлению к той части города, где, как я надеялся, все же отыщется магазин игр. А заодно и его прекрасная продавщица, которую мне так сильно хотелось увидеть снова. Вспомнив о нашей размолвке, я разозлился. Подумаешь, прогулялись вместе. В конце концов, я в городе не для развлечений. Сейчас начнется учеба, диплом надо писать, да и подработку не мешало бы найти. Потом на смену браваде пришло отвращение: уж себе-то врать зачем? Ни одно дело в мире сейчас не могло по важности затмить мое желание помириться с Висой.

Когда, месяц назад, я принял великодушное предложение Халле пожить в квартире ее мужа, я не знал, что меня ждет. Открываешь глаза и вместо обычного беленого потолка видишь изысканную лепнину и блики от солнца, пробивающиеся сквозь цветные витражи окон. Сложно понять, кто ты и где. Санна мой переезд восприняла с облегчением, которое даже не удосужилась скрыть. Отец – сдержанно, и я не смог разобраться, чем вызвана его реакция – таким же облегчением или разочарованием. А чего он ждал? Что я изо дня в день продолжу смотреть на их семейную идиллию? Нет, решение съехать было хоть и запоздалым, но правильным во всех отношениях!

Правда, как я быстро понял, сам по себе переезд мало что изменил. Если дома я отвлекался на внешние раздражители вроде тихих смешков и перешептываний, доносящихся из столовой, то теперь, предоставленный сам себе, столкнулся с внутренним разладом, от которого порой хотелось лезть на стену. Я с трудом заставил себя признаться, что за моими постоянными нападками на Санну скрывался страх пустоты, бесцельности собственного существования. Что у меня было? Друзья, с которыми я не общался уже много месяцев? Учеба в институте эмоций, где я то и дело яростно хлопал дверьми и тем вызывал пересуды? Или учеба по специальности, которую я выбрал вовсе не из любви к чертежам и расчетам, а в надежде, что она сулит мне интересные поездки? Путешествия, которые утратили смысл из-за того, что их не с кем было разделить? Общение с отцом, наполненное застарелыми претензиями и обидами?

Кто бы еще год назад сказал мне, что я буду терзаться подобными мыслями, я бы первый посмеялся! Двадцать лет – не тот возраст, чтобы разочароваться в жизни, полной заманчивых перспектив. Но, тем не менее, избавиться от навязчивых мыслей о тщетности жизни оказалось не так просто.

Напрасно я вспоминал чужие истории о болезнях, потере близких или битве за выживание. Они не утешали и не спасали от разочарования. Даже работа с Халле по проекту, которая помогла мне определить, что кроется за моим настойчивым желанием досадить отцу и Санне, закончилась, и я словно вернулся в исходную точку. Привыкнув к тому, что с самого утра мысли о собственной никчемности наваливаются на меня тяжелым грузом, я не сразу сообразил, что мое второе утро в Юблече стало иным. И дело оказалось вовсе не в Пуне, которая упорно старалась выцарапать из-под одеяла мои голые пятки. И не в том ворохе информации, что свалил на меня Левандовский. И даже не в чудесном перемещении под арками. Дело было в мыслях о Висе.

Я встретил девушку, которая смогла за один день вернуть мне веру в то, что жизнь имеет свои прелести. Встретил – и тут же испортил все, что мог. Я так и не понял, почему она так сильно обиделась на пустячную, казалось бы, реплику, но допускал, что за чужими словами мы часто видим свои потаенные смыслы. И теперь у меня появилась четкая цель: исправить свою ошибку. Охота за неведомым эмоциональным монстром пока еще казалась далекой и смутной, а вот увидеться и поговорить с Висой я мог уже сейчас. И не собирался это откладывать.

Следовало бы спросить у кого-нибудь дорогу, но я упрямо продвигался от здания к зданию, выглядывая знакомую вывеску. Улицу же я нашел сам, найду и магазин. Меня охватило

странное, но стойкое ощущение, что если я разыщу магазин самостоятельно, то с Висой мне повезет. Глупо, конечно! И ровно в тот момент, когда я, замерзший и уставший, готов был сдаться и обратиться к владельцу ближайшей лавочки, я, наконец, увидел знакомую витрину.

Дверь оказалась заперта, хотя было только четыре часа. Может, все дело в ветре, который уже уверенно задувал с моря? Говорил же Стефан, что жизнь здесь затихает, когда ветер набирает силу? Над городом сгустились тучи, и создавалось ощущение, что сейчас уже глубокий вечер. Сквозь витрину я разглядел лишь тускло перемигивающуюся гирлянду, развешенную вдоль стеллажей с товаром. Отступил на шаг и запрокинул голову. В окнах второго этажа горел свет, и это обнадеживало. Если здесь все устроено, как в Валновице, то семьи, держащие бизнес, живут, как правило, в квартирах над своими лавками. Виса упоминала, что магазин принадлежит ее деду, значит, оставался шанс о ней разузнать.

Я вновь подошел к двери и решительно нажал кнопку звонка. Прижавшись лицом к стеклу, увидел в глубине лавки чей-то силуэт. Потом дверь распахнулась, и я понял, что спрашивать о Висе мне не придется, потому что именно она и стояла на пороге.

– Привет!

– Мы уже закрыты! – неприветливо бросила она, и я понял, что она еще обижена.

Вот же черт!

– Да, я понимаю. Ээ, собственно, я тебя искал.

Сейчас она спросит, зачем. Но Виса молчала, и я, растерявшись, зачастил.

– Я тут подумал, может, продолжим экскурсию по городу? Ты такой чудесный гид. Обещаю, ни слова про внешность!!

Виса оглянулась, и я только сейчас заметил, что на ней надето что-то невообразимо нарядное, переливчатое. Похоже, я появился совсем не вовремя. При мысли о том, что я преврал романтическое свидание, мне стало дурно.

– Вообще-то, я занята, – ответила она после мучительно долгой паузы.

– Ясно. Тогда, может, в следующий раз?

– Может быть, – бросила она, и ясно, что это означало «никогда».

– Что ж, прости за внезапное вторжение, и... приятного вечера!

Я развернулся, чувствуя себя полным идиотом, сделал пару шагов и замер, осознав, что не услышал звон колокольчика над дверью. Резко развернулся и увидел, что Виса стояла, прильнув к двери, и смотрела мне вслед.

– Вообще-то, – сказал я, поспешно шагая обратно, – я искал тебя, чтобы сказать, что ты мне очень нравишься. Сразу понравилась. И вчера я очень классно провел с тобой время. И еще я хотел извиниться, если чем-то тебя задел или обидел. Мне очень жаль, что так вышло. И...я...я просто хотел тебя увидеть... снова.

На этом мой запал иссяк, и в этот момент Виса распахнула дверь и отступила, приглашая меня войти.

– Я все равно не смогла бы пойти с тобой гулять, – улыбнулась она, – я праздную свой день рождения. И готова тебя простить, если ты сейчас не станешь ломаться и присоединишься к моим гостям!

Я проглотил и возражения, уже готовые сорваться с губ, и неуместную обиду при мысли, что не появился я на пороге, меня бы и не подумали приглашать, и твердо шагнул вперед. Виса заперла дверь и увлекла меня наверх.

В уютно обставленной квартире собралось человек пятнадцать. Виса представила меня по имени, потом усадила в свободный угол и вручила бокал, в который парень слева налил мне вина. Постепенно я освоился, начал запоминать имена, благодарно принялся за очень вкусное угощение (последний раз такую вкуснятину я ел на свадьбе Халле), и даже пару раз вставил шутки в оживленный разговор (судя по смеху, удачные). Стойко игнорировал заинтересованные взгляды девушек, которые пришли без пары.

Потом вдруг осознал, что две женщины на другом конце стола – это мама и бабушка Висы. Вот уж не входило в мои планы такое скорое знакомство с родственниками! Впрочем, как я вскоре понял, о нашей вчерашней прогулке они не знали, для них я был всего лишь одним из многочисленных друзей их девочки. Слишком многочисленных, раздраженно отметил я, когда очередной парень провозгласил тост в честь именинницы.

Именинница сияла. В буквальном смысле – ее наряд был расшит блесками, в которых дробились и переливались отражения света от ламп. На изящные запястья была накручена цепочка, а темная челка посыпана серебристым лаком. Мне никогда не нравились подобные излишества, но сейчас плевать мне было на них, когда Висе этот блеск так к лицу! Правда, кофта без конца сползала, обнажая хрупкое плечо, и от этого зрелища у меня возникло дикое желание вытолкать всех гостей из комнаты и зацеловать Вису до умопомрачения! Но, увы, приходилось терпеливо ждать.

У Висы то и дело тренькал от сообщений телефон. Она на них не отвлекалась, а вот на звонок среагировала. Встала, огибая гостей.

– Привет, Ян, – успела сказать до того, как уйти в соседнюю комнату и плотно закрыть дверь.

Я заметил, как мать с бабушкой обменялись настороженными взглядами, как заметил и пожимание плечами вернувшейся вскоре Висы в ответ на вопросительный кивок матери. Кто был этот Ян? Бывший парень? Непутевый братец? Так-так, по ходу, не только у меня семейные сложности! От этой мысли мне еще больше захотелось узнать что-нибудь о Висе.

Между тем, в комнату внесли пирог, Виса под аплодисменты задула свечи, и я быстро их пересчитал. Двадцать одна. Надо же, значит, она всего на год меня младше, а выглядела первокурсницей! После этого мама и бабушка покинули праздник, и все гости облегченно выдохнули. Какими бы милыми они ни были, но мы невольно чувствовали себя под присмотром. Теперь же все оживились. Шутки стали смелее, флирт – откровеннее. Парочки все теснее прижимались друг к другу в танцах.

В перерывах между танцами устроили игру в фанты. Именинницу развернули спиной к гостям, а нам маленькая блондинка раздала карточки, дубликаты которых и стала по одному вытаскивать.

– Что нужно сделать этому фанту?

Я нервно крутил в пальцах карточку. Если Виса заставит меня петь, то с ее теорией про людей, которые что-то делают идеально, придется распрощаться!

– Этому фанту нужно спуститься в магазин и принести нам игру: стеллаж слева от лестницы, третья полка сверху, вторая игра слева.

– Так ненавязчиво нас подводят к тому, что следующий пункт в программе – любимая Висой игра, – весело заметил кто-то.

Все рассмеялись, а Виса, развернувшись, пожала плечами:

– Можно подумать, у кого-то есть возражения? Ты уходишь? – поспешно спросила она меня, заметив, что я поднялся с дивана.

Мне показалось, или в ее голосе слышалось беспокойство?

– Ага, ухожу. В магазин. За игрой, – и отдал ей карточку.

В магазине царил полумрак, только гирлянда мерцала по периметру, отчего помещение казалось волшебной пещерой. Я старательно отсчитал названную игру, но коробку вытаскивать не спешил. Должно быть, здорово было расти в таком месте! В моем бы детстве столько развлечений! Отец покупал мне много игр: были у меня и лук со стрелами, и настольный футбол, и многоуровневый замок, собирать который было сплошным мучением. Но главным было то, что, несмотря на занятость, он всегда находил возможность поиграть вместе со мной. Самое светлое время, проведенное вместе.

Потом умерла мама, и мы, вместо того, чтобы сблизиться, стали отдаляться друг от друга. Картинки оставшегося детства: он – за ноутбуком, погруженный в работу; я – в своей комнате с играми, которые утратили прелесть, ведь их не с кем было разделить. Потом, уже подростком, я и сам почувствовал, что мне лучше одному. А сейчас внезапно уловил острое сожаление, что все это в прошлом – наша веселая возня, его внимание к моим успехам, осторожные попытки помочь мне в сборе сложных деталей.

Его реакция на мою новость об отъезде не прибавила облегчения. Он злился и недоумевал, чего ради меня несет в Юблеч в самый неблагоприятный для отдыха месяц, но я видел, что им руководит не беспокойство обо мне, а раздражение, что я принял решение самостоятельно, не посоветовавшись с ним. Папочка по-прежнему считал, что я нуждаюсь в его наставлениях! Надо было просто позвонить отцу, сказать, что уезжаю, и все дела. А еще лучше – позвонить уже из Юблеча.

Сейчас, очутившись в мальчишеском раю, я вновь мыслями вернулся в те времена, когда все отцовское время и внимание было посвящено только мне. Когда я знал и верил, что я – под его надежной защитой, и так будет всегда...

– Не заблудился?

Я не заметил, как Виса спустилась вниз. Теперь она стояла, прислонившись к дверному косяку, и от мерцания гирлянды в ее глазах переливались цветные смешливые искры. И тогда я осторожно притянул ее к себе и принялся целовать, пока мы оба не стали задыхаться.

– Это самый лучший подарок сегодня, – прошептала она зазывно, но когда я вновь потянулся к ней, приложила палец к моим губам. – Пойдем, гости заждались.

В последний момент я спохватился, что игру так и не взял. После поцелуя все из головы вылетело, поэтому я вытянул первую попавшуюся коробку и поспешил за Висой, успевая еще пару раз прижать ее к себе – на лестничной клетке и перед дверью в комнату.

Если гости и заметили подозрительно распухшие губы именинницы, то тактично воздержались от комментариев. Часть вечера мы играли в довольно забавную стратегию, хотя я никак не мог сосредоточиться, то и дело отвлекаясь на то, как Виса жестикулировала, как продолжала соскальзывать с ее плеча кофта, как на шее пульсировала синеватая, едва заметная жилка.

Впрочем, не один я пропускал важные ходы. Анджей все время хмурился и чертыхался, бросая на Вису сердитые взгляды. Но она лишь пожимала плечами. Так, это еще что за секретные перегляды? За весь вечер я не заметил, чтобы Анджей флиртовал с Висой. Скорее уж, он уделял внимание блондинке, которая вела фанты и имени которой я не запомнил.

Когда гости начали расходиться, Виса выбрала момент, чтобы шепнуть мне на ухо:

– Марек, с какой полки ты взял игру? Ты указания-то запоминал?

– Если честно, нет. А в чем дело?

– Ясно, – улыбнулась она, чмокая меня прямо в ухо, – просто мы договаривались с Анджеем, что я выберу игру-валентинку, и он сможет во время игры признаться Марике в любви.

Так вот почему он так сердился! Да уж, объясниться в нежных чувствах, имея на руках биржевые сводки, сложновато!

– К чему так усложнять?

– Я тебе завтра объясню.

Завтра? У меня потеплело на сердце. Остаться сейчас я никак не мог: в комнату вернулась мама Висы, начиная собирать посуду со стола; гости уже спускались по лестнице, а я еще пребывал не в том статусе, чтобы проявлять настойчивость. Но обещание скорой встречи кружило голову. Виса стала спускаться вслед за всеми по лестнице и, пользуясь суматохой и теснотой, я нашел и стиснул ее руку. Наши пальцы переплелись, она дразняще поглаживала мою ладонь, что по контрасту с внешней отстраненностью возбуждало еще сильнее.

Прощание, как часто бывает в больших компаниях, вышло сумбурным. Мне, как и остальным, достался дежурный поцелуй в щеку, но серые глаза из-под растрепавшейся челки обещали куда больше!

– Звони! – прошептала она. – Только дай мне выспаться с утра, ладно?

До конца квартала я шел вместе с частью гостей, но как только остался один, сразу достал телефон. Даже ветер притих, чуя торжественность момента. Виса ответила сразу, словно ждала.

– Разве завтра уже наступило?

Может, я льстил себе, но я слышал улыбку в ее нежном голосе.

– Нет, – ответил я, – но есть то, что я хочу сказать тебе уже сегодня.

– И что же? – похоже, поддразнивание становилось традицией в наших диалогах.

– Я без ума от тебя!

9. СТЕФАН

Стефан понимал, что с Тедером сложно будет найти общий язык, как понимал и то, что именно ему предстоит стать инициатором сближения. Мареку начхать на условности, он ни под кого подстраиваться не собирался, а предстоящее расследование воспринимал как веселую азартную игру. Впрочем, откуда ему было знать, насколько все серьезно? Он пока не достиг того уровня, когда можно было открыть ему, как именно проступки неведомого злодея влияли на город.

Вернувшись в институт, Стефан достал списки. Часть имен уже была вычеркнута – профессор не сидел без дела. К счастью, набор студентов в Юблече проходил только раз в двадцать один год, и выпускники его были наперечет, так что круг подозреваемых сужался. Одно только тревожило Стефана. Что, если все они ошибаются? Если тот, кто вытягивает из людей энергию – самоучка? Случайный гость, который никогда не переступал порог института? Профессор уверял, подобное невозможно. В городе много людей, у которых есть потенциал, но он активируется исключительно при условии, если человек шагнет в портал. В ином случае все остается на обывательском уровне: носители дара будут чуть более приятными в общении людьми, чем остальные, только и всего.

Каждый год приносил им новые открытия, как, например, недавно произошло в Валновице, когда выяснилось, как быстрорастущие деревья связаны с порталами. Что, если сейчас действует некая сила, природа которой еще не изучена? Или слухи про агентов из Восточной Федерации, умеющих воздействовать на психику людей, вовсе не слухи? Как тогда вести поиски?

Стефан убрал папки в сейф, чтобы они не попались на глаза преподавателям, вздумай кто зайти на кафедру, и покинул институт. Медленно побрел по обледеневшим улицам, здороваясь с редкими прохожими. Поймал себя на том, что вглядывается в каждого встречного, гадая, не тот ли это человек, что подпитывается чужим настроением? Так, незаметно для себя, он вышел к морю.

На изломе зимы море выглядело мрачным и неприветливым. Темно-зеленые стылые воды яростно набрасывались на прибрежные скалы, шлифуя их до немислимой гладкости. Только безумец решился бы сейчас прогуливаться по кромке, и Стефан остановился, облокотясь на перила лестницы и впитывая в себя скудные краски: серое, темно-синее, сизое. Пронзительно кричали чайки, пахло йодом.

Как обещали местные, буквально через пару дней ветер уйдет и наступит настоящая весна, но пока в это сложно было поверить. Стефан плотнее запахнул пальто и потуже затянул шарф. Выросший в краях, где зимы были сухими и снежными, во влажном морском климате он постоянно мерз. И, впервые в жизни, подключился к общему горячему желанию тех, кто с нетерпением ждет тепла.

Впрочем, нынешняя погода вполне соответствовала его внутреннему состоянию. Стефан понимал, если вокруг будут буйно цвести магнолии и весело щебетать девушки, он лишь острее почувствует одиночество и неустроенность, которые терзали его в последнее время. Лучше уж пусть ревет ветер и шумит тревожно холодное море.

Он перевел взгляд и замер. На дальнем краю пляжа, посреди пирса, уходящего далеко в воду, виднелся человеческий силуэт. Неподвижная фигура в широком черном плаще, чьи полы, как ни странно, не трепетали на ветру, а свисали, словно отяжелели от влаги. На мгновение в его воображении мелькнула картинка из фэнтези: сейчас над этой мрачной фигурой закружится в небе воронка, сверкнет молния и что-то случится. Страшное, неотвратимое.

Он сорвался и побежал, уже забыв о том, как опасны скользкие камни. Пирс почти полностью был скрыт под водой, торчали лишь выступающие края свай. Вообще было непонятно,

как человек смог забраться так далеко в море. Волны, перекатываясь, захлестывали человека выше колен, но он, казалось, не обращал на яростную стихию никакого внимания. И что теперь делать? Не дозовешься – крик отнесет ветром. Нужно подобраться ближе и потом... Что потом, Стефан не понимал: со случаями суицида он сталкивался разве что в теории, в учебниках или сводках столичных новостей. Как не сталкивался и с сумасшедшими, если принять как версию, что человек в черном – всего лишь безобидный безумец, которого словно магнитом притянуло к холодной воде.

Перепрыгивать со сваи на сваю Стефан побоялся: перспектива сорваться в море его не радовала. Пришлось осторожно перебираться по бетонным плитам, держась за столбы. Ботинки мгновенно промокли и отяжелели, но Стефан почти не обратил на это внимания, слишком спешил добраться до странной фигуры. Мелькнула запоздала мысль, что нужно было вызвать полицию или береговую охрану, чтобы не добавлять им хлопот. Если он сейчас сорвется, одним несчастным случаем в списке станет больше, и кто окажется виноват?!

– Эй, – осторожно позвал он, когда, наконец, подобрался ближе, – вам помочь?

В природный шум вплелся новый неприятный звук. То был скрежет металла о металл. Человек в черном медленно разворачивался, и Стефан успел заметить, что вокруг его руки намотана внушительных размеров цепь, уходящая прямо в море. Лица под капюшоном было не разглядеть: его закрывал плотный черный же шарф. Но глаза, изумленно округлившись при виде промокшего насквозь Стефана, были опущены такими длинными и густыми ресницами, что сомнений не оставалось, что перед ним – женщина.

– Темный прилив! – воскликнула она. – Вы что здесь делаете?!

– Я подумал, может, вам нужна помощь, – прокричал Стефан, чувствуя себя полным идиотом.

Теперь он уже заметил и то, что брызги отлетают от водонепроницаемой ткани плаща, и то, что на носках высоких сапог виднелись скобы, прочно зацепленные за столб моста. Вряд ли незнакомка собиралась броситься в море, нацепив подобную амуницию. Она решительно и быстро принялась наматывать на руку цепь, пока из воды не показалась странная конструкция, густо облепленная водорослями причудливого фиолетового оттенка. Потом проворно развернулась и протянула Стефану руку:

– Давайте выбираться! Вы же промокли насквозь!

Обратный путь оказался куда сложнее, потому что Стефана пригибал груз мыслей, что он только что совершил невероятную глупость. Когда они оказались на берегу, незнакомка стянула шарф, явив его взгляду миловидное, хоть и изрядно побледневшее личико, и вдруг, сердито нахмурившись, набросилась на него с упреками:

– Вы – сумасшедший, что ли? Зачем вы туда полезли? А если бы вас волной смыло? Вы понимаете, что я бы вас не смогла сама вытащить? А людей рядом нет!

Она наступала на Стефана с криками, и было видно, что его появление девушку изрядно напугало. Она даже стукнула его кулачком в грудь, и от промокшего пальто полетели брызги.

– Ох, – спохватилась девушка, – вам срочно нужно в тепло. Помогите мне!

Теперь, когда у камней возле спуска к берегу обнаружился мешок, куда девушка упрятала добычу, а чуть выше, на тропинке, мопед, Стефан окончательно уверился, что никто здесь бросаться в море не собирался. Впрочем, насчет ясности ума оставались сомнения. Кто отправляется на промысел в такую погоду и в такое место?! Девушка стянула с сапог скобы, бросила их и мешок в прицепной багажник и кивнула:

– Садитесь!

Стефан отступил на шаг.

– Я, наверное, пойду...

– Не глупите! Пока вы пешком доберетесь до ближайшей кофейни, превратитесь в ледяную статую. Садитесь же!

Стефана уже начинал бить озноб, в голове мутилось, и он уселся на мопед, с трудом ухватившись за плащ, колом вставший на хозяйке. Дорогу он помнил смутно, лишь вздрагивал от хлесткого ветра, бьющего в лицо. Мопед, оснащенный особыми шинами, резво катил по обледеневшей набережной и остановился возле длинного, почти в квартал, симпатичного дома с яркими синими ставнями.

Девушка решительно потянула за собой Стефана и, как только они вошли в дом, позвала на помощь:

– Карол! Карол, скорее сюда!

Вниз по лестнице сбежал какой-то мужчина и, увидев прибывших, охнул. Без лишних слов потащил Стефана в комнату, помог ему раздеться и, усадив в кресло у камина, быстро укутал в плед.

– Его, наверное, растереть надо, – сказали над головой Стефана.

Это было последнее, что он услышал. А дальше все смешалось в полубред-полусон: чужие голоса, блаженное тепло, идущее от камина; яркие блики, пляшущие по разноцветным графинчикам, которыми были уставлены полки; вкус обжигающе горячего кофе с отчетливым коньячным привкусом. Потом все поплыло перед глазами, и он уснул.

10. СТЕФАН

– Они мигрируют. Я не сильна в биологии, чтобы объяснить, как и почему это происходит, но эти пурпурные путешественницы появляются на нашем берегу раз в несколько лет. Вот, видите, какой цвет у хлеба. В этих водорослях много целебных свойств. Да вы сами сейчас почувствуете! Уж простуды точно избежите!

– Неужели нет более безопасного способа, чтобы их добывать? – сердито бросил Стефан, все еще переживая собственную оплошность.

Они сидели на уютной кухоньке за круглым столом, накрытом вышитой скатертью, и пили кофе с фиолетовым хлебом. Девушка, назвавшаяся Евой, оказалась сотрудницей местной пекарни и, как выяснилось, на пирсе занималась тем, что добывала какие-то редкие и ценные водоросли, которые потом добавляют в хлеб.

– Какой? Ни одна лодка в такую погоду не удержится, ее просто разобьет о камни! И потом, вы же видели мою экипировку. Все продумано.

– И все равно, – не сдавался Стефан. – Глупо и безрассудно подвергать себя опасности из-за каких-то водорослей! Куда только полиция смотрит!

Ева, подперев рукой щеку, внимательно на него посмотрела.

– Полиция лично проводила со мной инструктаж, если что. Просто водоросли теряют свои целебные свойства, если их добывают не в одиночку, уж не знаю, почему, но это факт. На самом деле, ничего опасного в промысле нет, если, конечно, не лезть на пирс так, как это сделали вы. Зачем, кстати?

– Что, зачем? – Стефан отхлебнул кофе, чтобы оттянуть момент объяснения.

– Зачем на пирс полезли?

– Вас спасти... Я подумал...

И умолк. После услышанного объяснения глупо было признаваться, что он принял Еву за потенциальную самоубийцу. Само слово в этих стенах, где весело булькали кастрюли и пахло свежей сдобой, прозвучало бы кощунственно.

Ева прищурила глаза.

– Вы что, подумали, что я собралась броситься в море?

Стефан пожал плечами и поморщился. Свитер, одолженный ему Каролом и одетый на голое тело, оказался жутко колючим. Карол, казалось, ничуть не удивился, когда Ева приволокла домой промокшего насквозь гостя. Просто оказал необходимую помощь и исчез где-то в глубине дома, за что Стефан было ему безмерно благодарен. Чем меньше людей, в глазах которых он будет выглядеть дураком, тем лучше.

– Не смейтесь, – тихо ответил он, – я и сам понимаю, что поступил глупо.

Ева успокаивающе похлопала его по руке:

– Что вы, я и не думала смеяться. Глупо, да, зато благородно. Не каждый бы на вашем месте стал так рисковать. Вам лучше?

Стефан осторожно покрутил головой, прислушиваясь. Как ни странно, но простывшим он себя не чувствовал. Неужели и впрямь хватило пару кусочков волшебного хлеба, чтобы прогнать подступающую хворь? Ответить он не успел, в кухне появилось новое действующее лицо. Внушительных размеров женщина, на ходу развязывающая хрустящий накрахмаленный фартук, при виде Стефана всплеснула руками:

– Милочка, что ж ты не предупредила, что у нас гость?

Стефан неловко поднялся из-за стола:

– Я, наверное, пойду.

Но обе женщины, и пожилая, и молодая, совершенно одинаковым жестом замахали на него руками:

– Сидите, сидите, оставайтесь с нами на ужин!

На ужин? Стефан украдкой бросил взгляд на часы в форме кошки, у которой весело бегали из стороны в сторону глаза. Сколько же времени он пробыл здесь? Завтра – первый день занятий, он планировал подготовить конспект, но уходить из гостеприимного дома не хотелось. И он, не сильно сопротивляясь, уселся обратно.

Началась веселая суета, которая всегда сопровождает ужин в большой семье. К Еве и пышнотелой пани Ирме, хозяйке дома, добавился уже знакомый Стефану Карол, веселая парочка молодоженов (как Стефан понял, они были работниками пекарни) и, под занавес, премилая девочка лет шести-семи, держащая под мышкой щенка. Она решительно усадила питомца себе на колени и даже успела отломить ему кусочек хлеба, но под строгим взглядом Евы вздохнула, спустила щенка под стол и отправилась мыть руки. Щенок жалобно заскулил, чем вызвал смех и пересуды. А дальше все потекло по устоявшемуся руслу, и Стефан вдруг ощутил подзабытое ощущение родного дома.

Его родители уже несколько лет путешествовали по миру, подолгу гостили у дочери, жившей за океаном, и у многочисленных друзей. Последний раз они собирались вместе в прошлом году, когда Стефан отмечал двадцатипятилетие. И, хотя он давно уже привык к самостоятельности, сейчас понял, как не хватает ему душевных разговоров за столом, шуточных пикировок и по-домашнему вкусной еды.

В ином случае его дурацкое стремление спасти Еву от несуществующей угрозы могло бы стать центральной темой разговора, но если хозяева и были в курсе, чему они обязаны его появлению в доме, то тактично обошли этот момент стороной. Не замечали ни чужого свитера, что сидел на нем мешком, ни еще покрасневшего носа. Обсуждали новые рецепты и скорый приход весны, городские новости и поделки Бархата (так солидно звали щенка).

Узнав, что Стефан – приезжий, но намерен пробыть здесь не меньше полугода, наперебой принялись рассказывать ему о предстоящих городских праздниках, самых уютных кофейнях и лучших местах для купания.

– А что вы у нас будете делать? – спросила любопытная Кася. – Вы не фокусник?

Ева шикнула на нее, а пани Ирма быстро объяснила:

– В прошлом году у нас был проездом цирк, и на Касю произвело сильное впечатление, когда фокусник достал кролика из шляпы. Теперь она все ждет, когда он снова придет.

– Нет, я не фокусник, – вежливо ответил Стефан девочке, а потом спросил у пани Ирмы, – разве в Юблече разрешен цирк? С животными, я имею в виду.

Она пожала плечами:

– Ну, у нас же все-таки курорт, туристов много, поэтому в сезон бывают послабления в уставе. Дельфинарий, например, открыт. Правда, в заливе, а не в крытом павильоне, и дельфинов взаперти не держат. Приручили парочку особо любопытных, но большую часть времени они проводят в море, а выступают, если сами захотят. И океанариум не держат, зато есть лодки с прозрачным дном. Уж если кто хочет на морских жителей полюбоваться – выходит в открытое море на экскурсию. На пляже никаких фото с удавом или обезьянкой точно не встретите. Ну, а цирк, тот, что в прошлом году был, разрешили только после того, как узнали, что и кролик, и голуби – личные питомцы фокусника и живут в должных условиях. А остальной цирк без зверей был – акробаты, клоуны.

– А откуда вы знаете, что в Юблече не разрешено животных эксплуатировать? – вдруг спросил Карол, дождавшись, пока Стефан поблагодарит пани Ирму за разъяснение.

Стефану не стоило труда понять, что интересует Карола другое: почему он не уточнил про устав Юблеча. И хотя интерес был оправдан, природная осторожность заставила его ответить уклончиво, как чуть ранее он представился преподавателем, приглашенным в местный институт туризма:

– Да в дороге, в поезде я с попутчиком разговорился, а он как раз жаловался, что в Юблече хотел мини-зоопарк открыть, а ему не разрешили.

– Зверюшкам там плохо, – решительно заявила Кася, – они должны на воле жить, правда?

– То-то, я смотрю, ты Бархата пеленаешь и в коляске вместо куклы катаешь, – подколола девочку Ева.

Все засмеялись, но та лишь плечами пожала:

– А ему нравится! Я спрашивала!

Словно в подтверждение ее слов щенок твякнул из-под стола, чем вызвал новый взрыв смеха.

После чаепития все резко заторопились – приближалась ночная смена, чтобы утром, на рассвете, поплыл над улицами аромат свежего хлеба. Стефан переоделся в гостиную, сожалея, что придется возвращаться в тихую, пустую квартиру. Ева вышла его провожать и, несмотря на его возражения, сунула ему сверток с куском фиолетового каравая:

– Вам это нужно, поверьте, чтобы уж точно простуда не прицепилась!

– Спасибо! Поверьте, мне ужасно неловко, что так получилось.

Ева мягко улыбнулась:

– Что ж, зато вы теперь знаете об одной живой легенде города: чудачке, добывающей водоросли в холодном море.

– Вы вовсе не чудачка! – горячо запротестовал Стефан, но вовремя остановился.

Он, по-прежнему, считал промысел неоправданно рискованным, но сказать хотел вовсе не это. Ева перебросила через плечо распустившуюся косу, тонкими пальцами принялась заплетать и вновь расплетать пряди, что выдавало легкое волнение, и Стефан только сейчас заметил, какие у нее роскошные волосы. Ну, а теплоту ореховых глаз, густоту ресниц и плавность жестов он заметил еще за ужином и теперь вдруг засмушался.

Прощание вышло радушным, но скомканым.

– Приходите за хлебом, – последнее, что сказала Ева, – поверьте, мы печем самый вкусный хлеб в Юблече!

– Приду, – пообещал Стефан, гадая, является ли ее приглашение формальностью или чем-то большим.

За ужином, как ни старался он понять, не смог разгадать, были ли Карол и Ева мужем и женой. То, что юркая Кася – дочка Евы и внучка пани Ирмы – сомнений не было никаких, уж больно схожими были их черты лица и повадки. Но вот Карол. Из всех присутствующих за столом он был сдержаннее всех, собственно, и в беседу-то вступил лишь раз, уточнив у Стефана про указ о животных. С Евой он держался ровно, но так мог держаться как дальний родственник, так и супруг, давно привыкший к браку.

И сейчас, не без содрогания вернувшись на холодную улицу, предоставленную суровому ветру, Стефан продолжал перебирать впечатления вечера и гадать, что связывает между собой людей, с которыми свел его случай.

11. МАРЕК

Накануне я был так переполнен вином и впечатлениями, что упал спать, не зажигая свет и наскоро раскидав вещи по комнате. Теперь же, глядя на Пуну, безмятежно угнездившуюся в складках моего шерстяного пальто, брошенного в кресло, я понял, что совершил ошибку. Меньше всего с утра пораньше мне хотелось бы заниматься вычесыванием кошачьей шерсти из своих вещей. Конечно, можно было бы махнуть рукой и надеть зимнюю куртку, но за окном вовсю сияло солнце, обещая теплый день.

Я распахнул окно, впуская в комнату воздух, наполненный свежестью близкого моря. От вчерашней непогоды не осталось и следа: ветер стих, с крыш капало, а где-то над головой выводила уверенную песню невидимая птица. Что ж, погода благоволила ко мне. Занятия начинались лишь в три часа, и я был намерен не терять времени и увидиться с Висой.

Еле дотерпел до начала первого, но на мой звонок она не ответила. Наверное, спит, утешил я себя. Но объяснить молчание и через час, и через два уже не мог. В конце концов, я отправил ей сообщение, которое пришлось перечитывать несколько раз, чтобы убрать упреки. Неужели она меня кинула? Что тогда было вчера? Просто случайный порыв? Я почувствовал, как во мне поднимается знакомая волна злости. Дурак! Размечтался, что все пойдет иначе. Другой город, другая девушка? А на самом деле все просто – никто не захочет связываться с таким, как я.

Вернее, желающих нашлось бы: из тех, кому смазливая внешность важнее скверного характера, но мне оно зачем? Не самое удачное настроение для вводной лекции. Я ведь понял намеки профессора: в новой аудитории держать себя так, чтобы расположить к себе однокурсников. А я явлюсь снова злой, как черт, и плевать мне на высокие цели добра и справедливости, ради которых меня перебросили в Юблеч. Уж лучше б сидел сейчас с Халле, донимал ее шуточками. Хотя нет, она же теперь в особом положении, а обращаться с женщинами бережно и тактично я вообще не умел...

Ладно, может, хоть отвлекусь на занятиях. Самым паршивым было то, что я не знал, в чем причина молчания Висы. И не понимал, стоит ли это выяснять. Никто не мешал мне после лекций наведаться в магазин, но зачем? Если дело не в сломанном телефоне, а в сломанном доверии... Ничего нет печальнее зрелища, когда преследуешь ту, что не хочет иметь с тобой дела. Я это уже проходил, и снова наступать на те же грабли не было ни малейшего желания!

Под арку выбранного моста я ступал с опаской, но, как ни странно, все получилось. Я оказался во дворе, где от недавних сугробов остались лишь жалкие лужицы. До занятий еще оставалось время, а испорченное настроение требовало кинуть ему мелкую жертву в виде выкуренной сигареты. Я огляделся, но урны нигде не увидел. Побрел вдоль стены и, наконец, в тесном закутке увидел искомое. Затянулся, пуская струю в небо: крохотный квадрат, заключенный в плен кирпичных стен. М-да, интересно – это специально созданный дискомфорт? Чтобы курильщик чувствовал себя неудобно и стремился скорее разделаться с сигаретой? Ну уж, фиг!

– Привет! – раздалось за моей спиной.

Подшли двое: высокая эффектная девушка с экзотичным разрезом глаз и парень, который, если судить по тату на руках, серьге в ухе и кислотной расцветки джемперу, явно принадлежал к неформальным слоям общества. Да, интересные знакомства намечаются!

– Привет, – я растянул губы в дежурной улыбке. – Вы с первого курса?

– Ага, – кивнул парень, – с первого и единственного. А ты?

– Я новенький. Первый семестр в Валновице отучился, а сейчас переехал, вот теперь к вам.

Девушка изящно протянула сигарету, чтобы я прикурил. Интересно, почему ко мне, а не к своему спутнику? Затянулась и кивнула на стену:

– Не балуют здесь курильщиков, верно?

– Да, я заметил. Наверняка, специально так сделали, чтоб отвадить нас от дурной привычки.

– Так и впрямь отвადили, – вздохнула девушка, – у нас курили шестеро, теперь вот только мы с Яцекком остались.

– Она мечтает бросить, – усмехнулся парень, – но силы воли не хватает. Хоть клуб создавай анонимных курильщиков!

– Так давайте создадим, – пошутил я, щелчком отправляя окурок в урну, – я вот тоже хочу бросить, и никак.

Мое предложение ребята восприняли с неожиданным энтузиазмом:

– Слушай, и впрямь! – девушка сверкнула глазами, – мы с Яцекком друг друга как облупленных знаем, а так глядишь, свежее мнение со стороны! Надоело от парня выслушивать тупые шутки про курящую женщину и пепельницу!

– А мне надоело, что деньги улетают, – поддержал Яцек.

Они выжидающе уставились на меня. Я пожал плечами:

– А я просто не люблю от чего-то или от кого-то зависеть.

– Что ж, в таком случае первое собрание анонимных курильщиков объявляю открытым, – торжественно объявил Яцек.

– Ой, занятие начинается, – спохватилась девушка. – Пойдем!

Мы поспешили в здание, и я мысленно себя поздравил с созданием первого дружественного альянса. Что ж, надеюсь, и с остальными знакомство пройдет гладко. Яцек сел с маленькой девчонкой и, судя по страстному поцелую, которым она его одарила, это была его девушка. Я сдержал глухое раздражение: терпеть не могу, когда лижут на людях! Девушка-курильщица, которую звали Милла, позвала меня за свою парту.

Я заметил, как остальные девчонки, которые встретили мое появление с любопытством, одарили Миллу неприязненными взглядами. Ну, понятно. Милла – красавица и явно не робкого десятка. А тут я не успел появиться, она уже меня к рукам прибрала. Это наверняка вызовет определенные сложности в общении с остальными, но, с другой стороны, если верить профессору, Милла неплохо подходила на роль потенциальной злодейки: сильная, уверенная, независимая. Так что я подсел к ней, решив, что огляжусь, а тогда уж решу, как будет.

– Добрый день!

Если честно, на вводной лекции нового семестра я ожидал увидеть профессора, и появление незнакомой мне преподавательницы стало для меня сюрпризом. Впрочем, как я вскоре понял, для остальных тоже. Это была женщина лет тридцати, ухоженная, резковатая, со стильной стрижкой и в очках с толстой оправой. Из тех шустрых дамочек, что считают свой предмет самым главным и проповедуют его не только в стенах вуза. У этой зачет на халяву не получишь, придется попытеть.

– Меня зовут Даниса Скаржевская, – представилась женщина, – и предупреждаю сразу, главный проект текущего семестра будет проходить именно в рамках моего курса, так что постарайтесь с должной ответственностью подходить к выполнению занятий! Но, ребята, мне кажется, или вас маловато?

Я оглянулся. Профессор не дал мне список моего нового курса, мотивируя тем, что мое знакомство со студентами должно быть лишено предвзятости. Но в беседе он упомянул, что здешний набор меньше, чем в Валновице. А людей и впрямь маловато.

– Четверо болеют, – встал с места Яцек, как я понял, он был старостой, – двое в отъезде, объяснительные в деканат скинули.

– Жаль, – нахмурилась Даниса, – что ж, тогда традиционную переключку отложим до момента, пока все не соберется. Мне имен недостаточно, я хотела узнать от вас некоторые детали. Тогда вводную лекцию проведу в облегченном режиме. Итак, друзья, в первом полу-

годии главной целью вашего обучения стала работа над проектом индивидуальных запросов. Думаю, ни для кого не будет секретом, что в той или иной мере, но все, без исключения запросы были связаны с темой «я и другие люди». Это естественно. Первое, что понимает ребенок, приходя в этот мир, то, что он – часть социума. С самого рождения человек окружен людьми. Сначала – это мама, которая реализует все его потребности, и узкий круг родных, потом взаимодействие расширяется, и с ним приходит знание, что от окружающих мы можем получить далеко не все, что хотим. Меж тем, зависимость от чужого мнения, оценки, эмоций у нас уже сформирована и довольно сильно проявляется при восприятии собственной личности.

– Мы же сдали проект! – сказал кто-то.

– Совершенно верно, – невозмутимо ответила Даниса. – В первом полугодии вы успешно (кто-то более, кто-то менее) преодолели эту зависимость и научились объективно оценивать свои связи с окружающими и поступать в соответствии с полученными результатами. Думаю, каждый из вас смог убедиться, что эффективность взаимодействия с другими повысилась, а конфликтность свелась к минимуму. Задача нового семестра – определиться с контактами вне контекста близких связей. Вы – не только дети, друзья, подчиненные, братья-сестры. Теперь вы – самостоятельные личности и возвращаетесь в социум обновленными, чтобы служить во благо людям. Звучит пафосно, но именно это и будет вашей главной целью в ближайшие месяцы.

– А в чем выражается «служение»? – язвительно спросил Яцек. – Развлекать туристов? Или, наоборот, следить за ними, чтобы городских правил не нарушали?

– «Служение», – ответила Даниса, интонационно выделяя слово, – это, прежде всего, профессия, которую вы выбираете. Многие в этом году получают дипломы по основной специальности. Уверены ли вы, что дело, которым вы будете заниматься – не просто способ зарабатывания денег, а ваше призвание? Как думаете, почему это важно для общества?

– Потому что всегда приятнее иметь дело с профессионалом, который еще и приветливый, вежливый, – ответила одна из девчонок.

Краем глаза я заметил, что Милла выводит в тетради линии. Силуэты напоминали скетчи из модных журналов. Перехватив мой взгляд, она шепнула:

– Я учусь на модельера. И мне не нужно тратить целый семестр, чтобы понять, что это – мое призвание!

– Повезло, – решил я на ответную откровенность, – я вот вовсе не уверен, что карты – мое призвание.

– Карты? – изумилась соседка.

Я представил, какая картинка нарисовалась в ее воображении: я сижу в клубах сигаретного дыма и отчаянно тасую игральные карты. Усмехнулся, но объяснять ей, что моя специальность имеет отношение к географии, а вовсе не к азартным играм, не стал: Даниса резко пресекала попытки разговоров в аудитории. Учеба началась.

12. МАРЕК

Первая неделя занятий выдалась насыщенной, что помогало мне отвлечься от мыслей о Висе. Вечером в понедельник она прислала короткое сообщение: «В ближайшие дни увидеться не сможем. Объяснить пока не могу. Позвоню сама». И все. Я злился, чего уж скрывать. Терпеть не могу неизвестность и неопределенность, тем более, в делах сердечных. Уж лучше б сразу знать, что она передумала иметь со мной дело. Чем было это сухое лаконичное сообщение – попыткой извиниться и перекинуть шаткий мостик в будущее или перестраховкой, чтобы я не названивал сам? Я не понимал, но на всякий случай в своих прогулках по городу предпочитал не приближаться к магазину.

В институте, тем временем, не теряли времени даром. На третьей паре вместо традиционных занятий спортом или ремеслами, нас гоняли на тестирования. Выглядело это немного странно: датчики, провода, мерцающие экраны на стенах. В одном экране за тонким стеклом плескалась вода, судя по светло-зеленому оттенку, морская, в другом медленно сыпалась земля.

– Волновая природа в Юблече обусловлена взаимодействием гор и моря, – объяснил мне потом Левандовский, – также, как Валновице зависит от энергетической сетки между рекой и лесом.

– Какое отношение природа имеет к эмоциям и нашему состоянию?

– Поверь, Марек, самое прямое, хотя ты вряд ли сможешь понять...

– Куда уж мне, – парировал я.

Вся эта секретность уже порядком мне надоела! А Левандовский мягко продолжил:

– А я вряд ли смогу адекватно объяснить. Если упрощенно, то способность влиять на эмоции окружающих проявлена максимально сильно в городах особого статуса, среди которых Юблеч и Валновице. Если ты заметил, в столице твои способности не работают. Это напрямую связано с волновой природой местности, в которой расположены эти города. И именно поэтому здесь находятся филиалы института.

– То есть, все, чему нас тут учат, может пригодиться лишь в этих городах?

– Ну, почему же. Умение наладить диалог и погасить конфликт пригодится тебе в любой точке мира, так ведь? Просто твой потенциал будет удерживаться в рамках способностей обычного среднестатистического человека. А здесь, в Юблече, он многократно усиливается.

– Я что-то пока не заметил.

Прозвучало кисло, потому что в этот момент я подумал, что на Вису мой эмоциональный потенциал, похоже, никак не повлиял. Левандовский посмотрел на меня с таким участием, что я тут же съехал с темы. Не хватало еще, чтобы он меня жалел!

– И какой смысл во всех этих тестах? – поспешно спросил я.

– Это поможет нам сузить круг подозреваемых, – пояснил Левандовский, снимая с меня датчики, – исключить тех студентов, чьи способности не позволяют причинять разрушения, свидетелями которых мы стали. Все, Марек, не задерживай. Когда мы опросим всю группу, я дам тебе фамилии тех, кто попадает в зону риска. А пока, если что заметил, расскажешь профессору, идет?

Я кивнул и вышел в коридор, где толпились сокурсники. Заметил ли я что-нибудь? За несколько дней я успел познакомиться со всеми, включая тех четверых, что выздоровели и вернулись из поездки. Оставалось еще двое, но это – мелочи. Ко мне, как к новичку, был повышенный интерес, мне даже не пришлось прикладывать усилий, чтобы завести разговор. Памятуя о мотивах неведомого злодея, я не столько приглядывался к самим ребятам, сколько искал их уязвимое место. Туманно намекал, что к переезду меня вынудили некие печальные обстоятельства, и смотрел, клонет ли собеседник.

Людам свойственно приписывать другим те качества и состояния, которые присущи им самим. Поэтому в ответ я выслушивал истории о несчастной любви, смерти любимой бабушки или предательстве друга – каждый сам решал, что я имел в виду под «обстоятельствами». Если же человек был доволен текущим положением дел, а таких счастливиц набралось с десятков, то мне просто сочувствовали, но откровенничать в ответ не спешили. Скорее, спешили перевести разговор: когда у самого все гладко, не очень-то хочется слушать про чужие беды.

Мне нравилось ощущение двойственности, возникающее в каждой беседе. Для них я был всего лишь новым знакомцем, они же для меня были – подопытные кролики. Тайная власть будоражила и кружила голову, азарт бурлил в крови, потому я не сразу спохватился, что на занятиях я сам оказался в ловушке, выполняя задания преподавателей.

На первый взгляд, в новом курсе не было ничего сложного. Определить направление деятельности, поставить цель, составить план и реализовать его – вот к чему нас должны были подвести за этот семестр. Но все оказалось не так просто. Заурядные, казалось бы, упражнения вроде «кем вы себя считаете?» привели меня к досадным выводам, что я завишу от отца больше, чем ожидал. И разделяющее нас расстояние никак ситуацию не облегчило.

– Посмотрите, как перечисленные вами роли плотно завязаны на отношениях с социумом, – вещал профессор. – А мы стремимся уйти от подобной зависимости, вычленив ту часть вашей личности, которую вы сможете развивать обособленно. Итак, думаю, не ошибусь, если многие указали следующие роли: родственные и профессиональные связи.

Я опустил глаза в блокнот. Первой строчкой значилось: «сын». Почему я написал именно это? Не «человек», не «студент», а – «сын»? Неужели для себя самого я, прежде всего, лишь сын своего отца? И мои попытки отделиться от него тщетны. Если вдуматься, бунт против него – такая же зависимость, как и послушание. Я должен поступать так, как мне хочется, а не так, чтобы его задеть, досадить ему или что-то доказать!

Я украдкой заглянул в записи Миллы. Она написала первым: «женщина». И тут же заключила слово в виньетку из розочек. Ну, ясно, с самоопределением у нее проблем нет. Несмотря на наличие бой-френда (чей единственный недостаток, как я понял, заключался в неприязни к курильщикам), Милла постоянно утверждала свою женскую власть над всеми мужчинами, что попадали в поле ее зрения. Почти все парни нашего курса ходили за ней свитой восторженных поклонников. Даже профессор довольно побряхывал, добавив елея в интонации, когда она отвечала на лекциях. Только Левандовский оставался полностью безразличен к ее чарам, что Миллу изрядно бесило, а меня веселило. Знала бы она, что он сохнет по Халле! Но делиться тайнами я не спешил.

Что касается меня самого, то мне нравилась ее компания: Милла брала не только броской красотой, она еще была остра на язык и непробиваемо уверена в себе, а это всегда привлекает. Но влечения я к ней не испытывал, и это избавляло от многих сложностей. Милле довольно было того, что мы слегка флиртовали и более обстоятельно обсуждали способы преодолеть никотиновую зависимость, а мне ее прямота imponировала куда больше, чем вздохи и тоскливые взгляды других девушек курса.

Милла – дочь весьма обеспеченных людей, выросла в неге и достатке, ни в чем не испытывала нужды, и потому, как я предполагал, в число подозреваемых не входила. Мотивом, подвигнувшим ее на обучение в институте, была все та же зависимость: уж больно много конфликтов возникало между ней и ее парнем на почве ее курения. Дело в том, что у Миллы курила мать, и она сама пристрастилась к этому еще в двенадцать лет, не видя в том бунта или протеста. Просто из интереса. Вряд ли подобные сложности заставили ее травмировать людей, тут даже итогов теста ждать не приходилось!

Зато появился явный подозреваемый, пятый из тех, кого не было в первые дни. И, к моему большому недовольству, им оказался Анджей, один из гостей на дне рождения Висы.

Тот самый, которому моя рассеянность в выборе настольной игры спутала планы по завоеванию девичьего сердца.

Мне сразу не понравилось, с какой настороженностью он воспринял мое присутствие в аудитории. Но, преодолев первый ступор, не стал делать вид, что мы незнакомы, приблизился. Руки, правда, не протянул.

– Привет. Э... Марек, да?

– Да. Э... Анджей, верно?

Я сознательно вернул паузу, ведь видно же было, что он прекрасно помнит, как меня зовут. Более того, не удивился бы, если бы мое имя он упоминал в проклятиях в тот злополучный вечер, когда рухнули его планы. Впрочем, я, по-прежнему, считал затею с признанием в любви через карточку в настолке дурацкой, потому сожаления не испытывал.

– Так ты, стало быть, тоже из наших?

– Да, но ведь трепаться об этом не стоит, верно?

Надеюсь, ему хватит одного намека. Меньше всего мне улыбалось, чтобы Виса узнала, что я – студент непонятного института эмоций. Я уже успел понять, что при любом упоминании о психологии, обыватели напрягались и сразу искали подвох в словах и действиях, совершенно напрасно считая, что могут стать объектами воздействия. Виса, конечно, девушка умная, но мне ни к чему дополнительные сложности, которых и так хватает в наших еще толком не завязавшихся отношениях. Главной сложностью оставалось то, что пришла пятница, а обещанного в понедельник звонка так и не случилось. Я уже устал магнетизировать телефон взглядом!

– Ясное дело, – кивнул он и двинулся за свою парту.

Но, если первую настороженность можно было списать на то, что он не ожидал увидеть меня здесь, то дальнейшее его поведение вызвало больше подозрений. Во время лекции Левандовского, в традиционных занятиях с карточками мы попали в одну тройку. Не знаю, было ли это заметно для остальных, но, как я понимаю, за неделю я перебивал в тройках почти со всеми. Ясно же, что подобное общение способствует тому, чтобы узнать друг друга лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.